

КАТЕРИНА ЦВИК

ЗНАТНЫЙ ПЕРЕПОЛОХ

16+

КОРПУЛЕНТНЫЕ ДОСТОИНСТВА

ИЛИ ЗНАТНЫЙ ПЕРЕПОЛОХ

Катерина Цвик
Корпулентные достоинства,
или Знатный переполох
Серия «Знатный переполох», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67620911
SelfPub; 2022*

Аннотация

Удар по голове кирпичом лучше любого телепорта! Вот только кто бы мог подумать, что, обрета новую жизнь, я попаду в тело молоденькой княжны необъятных размеров и весомых достоинств? Женихи от сомнительного счастья носы воротят, собственная сестра с ненавистью называет толстухой, а маменька выражает любовь булочками! Но когда у меня вдруг просыпается магия, которой запрещено пользоваться, все остальные проблемы становятся незначительными. Да чтобы продвинутая землянка с этим смирилась и не взбунтовалась?! Ну держитесь, вас ждет Знатный переполох!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	52
Глава 4	69
Глава 5	78
Глава 6	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Катерина Цвик

Корпулентные достоинства, или Знатный переполох

Глава 1

– Здравствуй, *попа*, новый день!

Нет, вы не думайте! Это вовсе не присказка. Это я и правда со своей пятой точкой поздоровалась. Просто такое выдающееся со всех сторон достоинство не поприветствовать как-то даже неприлично. Мои вторые... эээ... нет, не девяносто, а где-то сто девяносто, не перестают меня удивлять каждое утро уже целый месяц. Пожалуй, будь я менее оптимистичной натурой, этот факт поверг бы меня в затяжную депрессию. И хотя этот этап перескочить мне-таки не удалось, я все же смогла прийти к некоему договору с этим, не побоюсь этого слова – ТЕЛОМ! Вот так мы с ним и дружим по мере душевных и физических сил. Потому что ни того, ни другого подчас просто не хватает.

А как ведь все хорошо начиналось! Только-только карьера в гору пошла, молодой человек появился и даже замуж позвал. А потом, как в самом дешевом кино, на работе подста-

вили, молодой человек ушел к подруге, которая, собственно, меня и подставила, а я устроилась риелтором строящегося жилья и в первый же рабочий день получила кирпичом по голове. Финита ля комедия!

Очередной раз убеждаюсь, что правила техники безопасности пишутся не зря, а раздолбайство неискоренимо. Пропустила ведь у местного начальства выделить две каски, но в офисе второй не нашлось, и мне посоветовали взять ее у строителей. А тех, как на грех, на месте не оказалось, и пришлось отдать свою клиенту. Клиенты ведь наше все! А в первый рабочий день, когда куратор просто не встал с утра с перепоя, еще огромнейшая, просто гигантская такая попа. Как у меня сейчас. Вот и расплачиваюсь за несоблюдение правил безопасности и криворукость строителей, которые все-таки обнаружили на седьмом этаже и умудрились упустить из рук тот злосчастный кирпич.

Очнулась я в новом теле в селе Варламовка в поместье моего здешнего папеньки, куда мы всем семейством приехали на лето. Оказывается, что обладательница этого тела перед смертью подавилась куском копченого мяса. М-да... Ну, глядя на теперь уже свои корпулентные достоинства, сомневаться в том, что его прежняя хозяйка любила поесть, не приходилось.

Но тут стоит сказать, что девушка, в тело которой я каким-то непостижимым образом попала, была душевно не совсем здорова. Но и сумасшедшей ее назвать тоже было нель-

зя. Тут все сложно и неоднозначно. Оказывается, до десяти лет девчушка была вполне себе нормальной. Однако с этого возраста, когда по всем здешним канонам в ребенке начинает просыпаться магия, она внезапно стала апатичной, замкнутой, совершенно перестала играть с детьми, а на все вопросы отвечала вяло и невпопад. В конечном итоге доктора вынесли вердикт, что тело девочки не справилось с проснувшейся в нем магией. Священник заявил, что душа несчастной отторгает чужеродный магический элемент, на что все силы этого тела и расходуются. А людская молва шепталась, что это де божье наказание нашему семейству за какие-то там грехи. Так или иначе, но с тех пор от девочки отстали, а жалеющие бедняжку родители и слуги по поводу и без начали подкармливать малышку всякими вкусностями. Это невинное стремление и вылилось в то, что молодая девушка в свои неполные семнадцать лет выглядела, как большая разожравшаяся свинка.

Но, очередной раз глядя на себя в зеркало, мне все равно не верилось, что даже в полной апатии можно было допустить такой перебор с весом. И ладно бы телосложение такое или наследственность. Так нет же! Старшие братья, вон, настоящие красавцы! Косая сажень в плечах, мускулы везде, где нужно и никакого лишнего жира в помине нет! Да и о каком лишнем весе может идти речь, когда парни учатся в военной академии в самой столице – Москве? Маленькая с папенькой тоже вполне вменяемых габаритов. Поэтому

эту тушку ее предыдущая хозяйка наела только своими непосильными стараниями.

А насчет Московии вы не ослышались. Как я поняла из обрывков памяти этого тела и из собственных наблюдений, я попала в некую параллельную нашей реальность на лет эдак двести назад. Здесь даже летоисчисление было таким же, но, судя по всему, той вилкой, что разделила наши реальности, стало правление Ивана Грозного, который в этом мире не скончался, а, как написано в учебниках, вымолил у Господа великие Дары для себя и своих ближников. Хотя в это же время точно такую же милость вымолили и монархи других государств. И мне почему-то казалось, что официальная версия очень далека от реально произошедших событий, но доказательств у меня, как говорится, нет, да и зачем они мне нужны? С тех пор в этом мире и появились магически одаренные люди, от которых и пошли самые известные боярские и аристократические династии. В это же время зародилась и довольно жесткая родовая система, которая сейчас плавно становилась клановой. В этом мире каждый индивидум мечтал пусть даже захудалым слугой войти в знатный род и трудиться под его защитой.

Императорский род Рюриковичей здесь не прерывался, как в нашей истории, а о Романовых на политической арене страны уже давно никто не слышал, так как среди тех самых ближников, получивших магию, их не оказалось. Следом за Иваном Грозным на трон взошел его сын – Дмитрий Разум-

ный. И никакой смуты и лже-Дмитриев в этом мире не было и в помине. Однако, мира во всем мире обретение человечеством новых возможностей не прибавило. Поначалу в эйфории от полученных Даров монархами и их приближенными было наделано столько всего, что даже сейчас, по прошествии многих лет, все вспоминали с содроганием. Об этом слышала и как-то на досуге размышляла даже госпожа Евдокия – для родных Дусенька, а для сводной сестрицы, но так, чтобы никто не слышал – противная Дуська. То есть теперь это я, собственной персоной. Прошу любить и жаловать!

Раздавшийся стук в дверь прервал мои размышления и зарядку:

– Госпожа, я услышала, что вы изволили проснуться, и принесла вам платье и воды, чтобы умыться. Ох! Что же это вы?! – зайдя и узрев меня, чуть не всплеснула она руками, но вовремя вспомнила о том, что руки у нее заняты и поставила таз на столик, не зная теперь, то ли раскладывать платье, то ли бежать поддерживать меня под руки.

– Ага... положи... там. Я... сейчас... – ответила я в несколько заходов, так как пятнадцатиминутная совершенно обычная зарядка выжала из меня все силы, и я сильно запыхалась.

Такое впечатление, что предыдущая хозяйка этого тела не то что никогда не занималась физкультурой, а вообще крайне редко поднимала свой пышный зад. Хотя подобной возможности я совершенно не исключала.

Я в своей прошлой жизни не то, чтобы не страдала проблемой лишнего веса – скорее просто не успевала его набрать. Моя деятельная натура требовала постоянного движения. И неважно, с чем это движение было связано. Хотя вся моя деятельность вырастала вовсе не из желания куда-то бежать и что-то делать, а, напротив – из желания полениться! Ведь, по логике, если побыстрее все сделаешь, то останется больше времени на отдых. Только у меня его почему-то больше не становилось. Особенно на работе. Как оказалось, пословица «Кто везет, того и нагружают» не утратила своей актуальности и по сей день.

Но откровенно пассивная жизненная позиция Евдокии меня тоже не устраивала. Хотя я и понимала, что вызвана она была какими-то посторонними факторами, сейчас-то все изменилось! И ни о какой апатии речи не шло. Но воплотить в жизнь даже самую малую часть своих планов, пока хоть немного не похудею, просто нереально, особенно в деревне. И я столкнулась с этой проблемой уже в первый день своего пребывания в этом мире.

Самое банальное – элементарно болели ноги и донимала одышка, стоило просто выйти на небольшую прогулку. А здешние слуги так и норовили подставить мне под попец стульчик, чтобы не дай Бог я не натрудила ножки! Не скажу, чтобы сама Евдокия раньше не задумывалась над тем, чтобы похудеть – совсем душой она не была, скорее, сильно заторможенной. Но тут все происходило как в анекдоте:

– Девушка, у вас есть мечта?

– Есть!

– Какая?

– Хочу похудеть.

– Так похудейте!

– А как потом жить без мечты?

Вот и тут была примерно такая же история, и желание похудеть оставалось мечтой, миражом, который когда-нибудь обязательно обретет реальные очертания. Но это будет когда-нибудь потом, но точно совсем скоро... А пока так жрать хочется, что аж переночевать негде.

Я не утрирую. В этом теле мне постоянно хотелось есть, а вернее, тупо жрать! Девушка к своим семнадцати годам успела так растянуть собственный желудок, что теперь он постоянно требовал заполнения.

И ладно бы хоть кто-нибудь меня поддерживал! Так нет же – буквально все норовили подсунуть мне булочку попышнее или пироженку повкуснее, отпраздновать, так сказать, мое возвращение к нормальной мыслительной деятельности. Хотя, по-моему, до конца в это даже родители не поверили, а потому мои попытки внести хоть какие-нибудь изменения в режим питания или распорядок дня просто не принимали всерьез. Поэтому я решила бороться сама. Но, это оказалось не таким простым делом!

На силу воли я никогда не жаловалась, но здесь нужно было быть просто железобетонной непробиваемой стеной, что-

бы отказаться. Особенно, когда твои собственные рецепторы просто вопят, какая же это вкусняшка, няшка и просто обожашка, а желудок предвкушающе урчит в ожидании новой дозы сладкого. Пару раз моя сила воли все же брала верх над соблазнявшими меня кулинарными шедеврами, и я тупо сбегала куда-нибудь подальше. Однако убежать в моем случае получалось недалеко и небыстро, а кудахтавшие вокруг слуги никак не могли взять в толк, отчего их всегда готовая к поглощению новой порции пищи хозяйка отказывается и несется сломя голову прочь?

Они почему-то решили, что кухарка стала хуже готовить. И вот тут я уже не знала, плакать или смеяться. Ведь несчастная женщина после этого заявления начала просто заваливать меня все новыми и новыми блюдами и вкусняшками, отказаться от которых у меня уже просто не хватало моральных сил. Да и жалко было женщину, которая так ради меня старалась. М-да..... Какая-то слабая получилась отмазка...

Но самой главной причиной того, что я никак не могла взять себя в руки, была та самая депрессия, которая чуть спала лишь пару недель назад и отголоски которой настигали меня каждый раз, стоило даже мельком увидеть свое отражение. Пусть даже оно было замечено в ложке или в начищенном до блеска блюде. Вот как, как жить в этом теле?! Да руки же просто сами собой опускаются, даже когда я просто представляю, сколько нужно сбросить килограмм, чтобы ощущать себя хотя бы просто комфортно!

– Госпожа, ваша маменька велела напомнить, что сегодня сразу после завтрака вы всей семьей едете в церковь на утреннюю воскресную службу.

– А? Ну да, помню, конечно. – Немного отдышавшись, ответила я. – И помощи мне ополоснуться, а то я совсем вспотела.

– Ой, да, взопрели вы знатно. Но мыться некогда, времени осталось только на завтрак. – Всплеснула руками служанка.

– Да я не прошу меня мыть, так, сполосни из ковшика, и хватит. – Вытерла я пухлой ладошкой пот со лба.

Умывание прошло быстро и без эксцессов, как и одевание. К немалому моему облегчению, здесь в моде были платья простого широкого кроя, перехваченные под грудью лентой. Меня подобный фасон просто спас! Понимаю, что смотрелась я в нем, как бегемот, но было бы гораздо комичней, если бы у этого бегемота была перевязана ленточкой талия, вернее, то место, где она по всем правилам должна была находиться. Но чего нет, того нет. Да и отсутствие корсетов радовало неимоверно, потому что я даже не берусь представить, как нужно было бы меня в него затянуть, чтобы вышло нечто похожее на женский силуэт.

Вот такая посвежевшая и, как я себя тешила, похорошевшая, я спустилась на завтрак, где меня уже ждали гурьевская каша¹, несколько видов пирогов, свежеиспеченный

¹ Гурьевская каша – традиционное блюдо русской кухни, манная каша на молоке и сливках с добавлением варенья, меда, орехов, сухофруктов, цукатов и пря-

хлеб, масло, творог с медом, вазочки с вареньями, просто-кваша, взвар и, как вЫшенка на торте – сладкий кофе со взбитыми сливками.

– Доброе утро! – поздоровалась я со всеми прежде, чем втиснуть свою уже не раз упомянутую попу на стул.

– Доброе утро, дорогая! Ты сегодня так хорошо выглядишь! Настоящая красавица! – кажется, даже искренне умилилась моя здешняя маменька – госпожа Дарья Сергеевна.

– Да? – не смогла я сдержать удивления. Как, впрочем, и мои братья-близнецы Борис и Василий.

После маменькиных слов их рыжие брови тоже взлетели вверх, а глаза прилипли к моей тушке. Видимо, в поисках тех самых супер-пупер изменений.

– Конечно! – воскликнула она и сурово взглянула на братьев, которые уже собрались что-то ляпнуть. – Только ты немного припозднилась, поэтому на завтрак у тебя не слишком много времени.

От всего изобилия, что было выставлено на столе, лично мне нужно было отказаться. Нет, не совсем, конечно. Чем-то позавтракать обязательно нужно, но не в таком же количестве! Однако стоило мне сесть за стол, как руки сами потянулись и за кашей, и за пирогом, и за хлебушком с маслом, и за... В общем, остановиться мне удалось лишь, когда я очередной раз словила на себе взгляды братьев. Уж не

ностей. Разумеется, в другом мире она называлась иначе, но Автор решил не плодить сущности и оставить название, принятое в нашем мире.

знаю, чего в них было больше – какой-то опаски или интереса, присущего ветеринарам, потому что в их глазах просто читалось «сколько же это животное сможет съесть?!»

Невольно подавившись, чем сильно перепугала родителей, я отодвинула тарелку, вытерла салфеткой рот, скосила вниз глаза и, насколько позволял второй и третий подбородки, проверила чистоту платья – бывали уже случаи непреднамеренного свинства – и, с трудом отодвинув стул, встала. Да-а, до элегантности и плавности движений в этом теле мне как до луны. А потому, очередной раз пригорюнившись и подавив желание броситься к себе в комнату и залечь тюленем на кровати, чтобы меня никто не видел и не слышал, решительно сказала:

– Я готова.

– Доченька, твое стремление попасть поскорее на церковную службу похвально, но ты уверена, что закончила завтракать? – забеспокоился отец, видимо, удивленный, что по их обычным меркам я так мало поела.

– Уверена, – буркнула я и решительно направилась в коридор, где служанка выдала мне легкую накидку и соломенную шляпку.

О, этот предмет гардероба с первого дня своего пребывания в этом мире я люто возненавидела! Представьте хорошую такую откормленную хрюшку с тремя подбородками. А теперь представьте на ней миленькую соломенную шляпку с лентами, которые нужно завязать под подбородком бан-

том. Первый вопрос, который у меня возник – под каким из трех подбородков мне этот кокетливый бантик завязывать? А второй – как не уржаться и не расплакаться от созерцания себя любимой в зеркале?

А как я кричала, когда в первый раз увидела себя месяц назад... Не передать! Где?! Где моя внешность большеглазой и большегрудой прекрасной эльфийки, о которых пишут писатели в своих романах о попаданках? Где осиная талия и непередаваемая грация? Где, на худой конец, brutalный, опасный и жутко загадочный то ли жених, то ли опекун? Почему именно мне досталось вот... вот... вот это?! Нет, на грудь я не жалуясь – у толстушки Евдокии оказались нормальные трех- или пятилитровые баллоны – затрудняюсь подсчитать. Но, блин, зачем они мне такого размера?! Это же кошмар! И ладно бы все остальное было как у всех порядочных попаданок! Так нет же!..

Так, все, успокаиваемся, дышим глубже, а то вон, бедная лошадка, которая должна везти бричку, как-то слишком уж недобро косит на меня взглядом. До последнего, видимо, надеется, что я мимо пройду. Прости, дорогая, но тут без вариантов.

Расторопный слуга помог мне залезть в бричку, и она тут же заметно просела. Ось закрипела, но выдержала. А вот лошадка совсем по-человечески тяжело вздохнула. И я, сочувственно, вместе с ней.

До церкви доехали без эксцессов. Вошли внутрь, где нас

без возражений пропустили вперед. Службу отстояла с большим трудом, переминалась с одной ноги на другую и пыхла, так как служба именно перед моим носом как-то уж слишком энергично махал кадилом, видимо, при взгляде на меня его рука непроизвольно лишний раз дергалась. А посему мне катастрофически не хватало воздуха.

Наконец, служба подошла к концу. Отец Амвросий по очереди благословил наше семейство, и мы пошли на выход. Несмотря на свои габариты, на улице я оказалась первой и сразу полной грудью вдохнула свежий воздух. Хорошо-то как! Птички поют, солнышко пригревает, и людей на улице почти нет. Красота!

– Г-госпожа... – раздалось тихое попискивание за спиной, и я удивленно обернулась – обычно простой люд предпочитает со мной не заговаривать, обходит стороной.

Ой-е! Да я, оказывается, как пробка, закупорила своей тушкой не такой уж большой проход! А окликнул меня тот светловолосый паренек лет десяти с большими голубыми глазами, в которых плескалось то ли благоговение, то ли тихий ужас от своей смелости. Все-таки в этом мире дворяне были не просто привилегированными членами общества, а действительно обладали силой, и почтение и страх перед этой силой были просто огромны. Я оглядела столпившийся затихший народ, что не решался роптать, и, достав из небольшого кармашка платья конфету, вручила ее перепуганному мальчишке. После чего чинно прошла вперед и,

углядев неподалеку лавочку, на которой уже сидела какая-то бабулька божий одуванчик, с облегчением присела рядом. Узкая скамейка заметно прогнулась, но выдержала

– Доброго здоровьичка! – поздоровалась я на местный манер и прикрыла глаза.

Ноги гудели неимоверно.

– Тяжко тебе, Евдокия. – посочувствовала мне бабулька, а я снова тяжело вздохнула, соглашаясь. – В чужой шкуре поначалу всегда тяжело, – продолжила она.

А меня аж холодный пот прошиб, и я испуганно распахнула глаза. Но сказать ничего не успела – в этот момент ко мне подошли братья и привели с собой какого-то хлипкого парнишку лет семнадцати. Хотя рядом со мной, пожалуй, даже братья смотрелись нет так уж внушительно.

– Дуся, это Герасим князь Вылузгин, возможно, ты его даже помнишь, он был тебе представлен.

Это уточнение было важным, так как после официального выздоровления оказалось, что княжна Евдокия помнит свое окружение и тех, кому была до этого представлена очень смутно, а иногда словно впервые видела. Так оно, в принципе, и было. Что-то, конечно, в самом начале своего пребывания в этом теле мне удалось почерпнуть из памяти предыдущей хозяйки, в основном, сведения о тех, кто постоянно находился рядом. Образы же тех, кого девушка видела редко, не сохранились в ее памяти, так как в той перманентной апатии, в которой она находилась, это было для нее совершенно

не существенно. Чем дальше, тем меньше всплывали чужие воспоминания, заменяясь более яркими и четкими моими. По прошествии же месяца они пропали вовсе. Иногда у меня даже создавалось впечатление, что девушка в этом теле не жила, а лишь созерцала что-то глубоко внутри себя. Правда, это не мешало ей с завидным упорством накачивать тело едой, что теперь мне и приходится расхлебывать.

– Не помню, – невежливо отозвалась я.

Признаться, с первого же мгновения этот князь Вылузгин показался мне слишком напмаженным и набриалиненным, слишком угодливым и слащавым, слишком... худым, что бесило неимоверно. А растерянность после загадочных слов бабульки и не думала меня отпускать, поэтому свою грубость я не стала смягчать даже улыбкой. Да и хотелось поскорее от них отделаться, чтобы поговорить с бабулькой.

– Мне кажется, девушка сейчас не настроена на общение, – понял напмаженный и, поклонившись, отошел к другой группе людей.

Братья посмотрели на меня укоризненно и синхронно покачали головами, собираясь последовать примеру их знакомого. В этот момент лавка под моей необъятной попой не выдержала и, оглушительно захрустев, проломилась, отчего я в мгновение ока оказалась сидящей на земле под перекрестьем взглядов всех вышедших в это время из церкви людей. Бабулька, несмотря на свой преклонный возраст, успела подскочить еще в первые мгновения раздавшегося подо

мной треска, а потому, к счастью, не пострадала.

Во дворе повисла натянутая, как струна, тишина. Краска стыда залила сначала мою шею, а потом и лицо. Казалось, что в более нелепой и ужасной ситуации мне еще оказываться не приходилось. Где-то я слышала высказывание, что то, что ужасно в шестнадцать лет, через десять кажется сущей мелочью. Только вот я совершенно не могла представить, что должно произойти через десять лет, чтобы данное происшествие показалось мне мелочью.

Как ни странно, но я именно сейчас совершенно точно осознала, что с треском ломающихся подо мной досок проломилось и нечто внутри меня. Нечто, что все это время не давало до конца поверить и осознать, что я теперь вовсе не двадцатилетняя Дарья Сорокина, проживавшая в ХХІ веке, а вот эта шестнадцатилетняя толстушка княгиня Евдокия Раевская. И стыдно вовсе не какой-то непонятной оболочке, в которой находилась моя душа, а именно мне! Как бы меня ни звали! А значит и ответственность за все, что теперь происходит со мной и этим телом, тоже полностью лежит на мне, и обычным нытьем делу не поможешь. И пусть тела прекрасной эльфийки для меня не нашлось, но ведь и это вполне себе ничего, живенькое.

Я представила себя со стороны и поняла, что, несмотря на все социальные табу, сейчас однозначно грохнет смех. А потому, раз уж нельзя эту неприятность замять, то нужно весь этот кипиш возглавить. И я сначала фыркнула, а потом от

души расхохоталась. Даже и не думала, что у меня в этом теле такой заразительный смех! Народ весело рассмеялся вместе со мной. Очень важный нюанс: смеялись не *надо* мной, а *вместе* со мной. Наконец, когда волна хохота немного спала, послышалось строгое:

– Ну что стоите? Василий, Борис, помогите сестре подняться! И вообще, что у вас здесь за скамейки такие, что бабушку с девчушкой выдержать не могут?!

А у меня от благодарности и умиления чуть слезы на глаза не выступили. Это ж надо – назвала меня девчушкой! Будто я и не вешу полтора центнера.

Подавившись очередным взрывом смеха, братья тут же подскочили ко мне и с натугой подняли под белы рученьки.

– Это же Старица... – послышался шепот из толпы.

– Да... Та самая святая Старица-странница!

– Точно! Вон и посох из великого дуба в руках держит!

– Тот самый посох? Не может быть?!

– А ты посмотри на резьбу! Она же как живая!

– Старица?! Не может быть?!

Народ загудел, загомонил, в одночасье позабыв и о смехе, и о ситуации со скамейкой. А вот маменька, словно курочка, начала надо мной кудахтать, причитая и обещая переговорить с батюшкой, чтобы скамейки сделали крепче.

Меня же это волновало мало, так как я точно знала, что мне просто жизненно необходимо поговорить с этой Старицей! Однако стоило вести о ней разойтись в народе, как люд-

ская масса тут же качнулась в ее сторону, грозя погрести под собой несчастную старушку. А потому, набрав в легкие побольше воздуха, я со всей дури выдала:

– Стоять! — Признаться, такой реакции я не ожидала, потому люди и в самом деле остановились и даже присели от неожиданности. – Хотите поговорить со Старицей – выстраивайтесь в очередь! А не то сейчас задавите несчастную! И вообще, – я прошествовала сквозь толпу, невольно задевая зазевавшихся, все-таки габариты у меня отменные, – дайте ей немного отдохнуть! Она сама позовет, когда будет готова.

Внезапно в нескольких шагах от себя я увидела того самого голубоглазого мальчонку, которому вручила конфету. Он вглядывался в просвет между людскими телами и пытался рассмотреть старушку, и смотрел на нее так, будто та должна ответить ему на какой-то безумно, просто жизненно важный вопрос! И почему-то, глядя на него, я узнавала себя. В этот момент рядом со мной появился наш слуга Еремей и начал самолично расталкивать передо мной зазевавшихся людей.

«О, совсем другое дело!» – подумалось, и я мимоходом схватила за руку мальчишку, что так и продолжал выискивать взглядом Старицу, и потащила за собой. Ибо только так этот пацаненок имел шанс задать свой вопрос. Потому что взрослые вряд ли дадут ему такую возможность.

Наконец, путь до старушки был окончательно расчищен, и мы с мальцом до нее добрались. Она пристально, как-то даже изучающе на меня смотрела и гладила большим паль-

цем наверх посоха. Потом ее взгляд скользнул на очумевшего мальчишку рядом со мной, и брови Старицы поползли вверх. От переизбытка чувств тот не выдержал и бухнулся перед ней на колени.

– Ну, и чего ты тут по земле ползаешь? – раздраженно проговорила она. – Вставай! А папка твой не вернется, можешь не ждать. Не зря у тебя сердце было не на месте, – она тяжело вздохнула, положила растерянному мальцу, у которого глаза сделались большие-большие и блестящие от наворачивающихся слез, на плечо руку и сказала: – Мой тебе совет: попросись на службу вот к этой княжне. Авось, не откажет... – вопросительно на меня глянула, а я растерялась.

– Не откажу, конечно, только кто ж в таком возрасте работать идет?

– Ой, девонька, – покачала головой старушка, – у простого люда всякое бывает. А Сережку помощником конюха возьми. Он мальчонка справный.

– А как же его мать? Против не будет?

– Так нет у него матери. – Старица погладила мальчика по голове. – Померла прошлой зимой от лихоманки. А отец обоз отправился охранять да и сгинул от разбойничьей пули.

М-да-а... И это у меня жизнь плохая? Это у меня, видите ли, проблема и депрессия! Дура ты, Дуська, дура!

Хотела присесть перед мальчиком, заглянуть в глаза и быть с ним на одном уровне, но поняла, что тогда может случиться конфуз – потом я просто не разогнусь, а потому про-

сто спросила:

– Родственники какие-нибудь у тебя есть?

Вместо ответа он замотал головой.

– Пришлые они тут, – подтвердила откуда-то все знающая Старица.

– Ну что, пойдешь к большой толстой тете в услужение? – тихо спросила я его.

Иронии он не понял и вместо ответа собрался упасть передо мной на колени, но я его вовремя удержала и прижала к своему боку. Мальчонка совершенно неожиданно обнял мою необъятную талию и разрыдался. А у меня от вида таких искренних страданий у самой на глаза навернулись слезы. Столько же испытаний выпало на долю мальчика в таком раннем возрасте?!

Мои родители остались где-то там, в далеком и уже недоступном для меня мире. Как они пережили мою смерть? Не знаю. Скучала я по ним безумно, успокаивало лишь то, что они сами живы и здоровы, и утешением им послужит моя поздняя маленькая сестричка, которую мама родила уже к сорока годам.

Старица подозвала моего слугу и, указав на Сережку, сказала:

– Ваша госпожа хочет взять его на полный пансион помощником конюха. Объясни ему что и как делать, чтобы попасть в услужение.

Я погладила мальчишку по голове, кивнула Еремею, под-

тверждая слова Старицы, и слуга взял его за руку и потянул за собой. Несколько долгих секунд мы стояли и просто молчали. Наконец, я спросила:

– Что мне делать? Это ведь совсем чужой мир...

Старица скосила на меня хитрый взгляд:

– Жить.

– А вернуться никак?

– А тебе есть куда? – удивилась старушка.

– Ну да... Может, мне рассказать о себе кому? – зачем-то спросила.

– Пф! Ну попробуй. Только потом не жалуйся.

– Но вы же сразу все обо мне узнали, может, и другие могут?

– Таких, как я, единицы, – назидательно проговорила Старица. – И опасаться нас тебе не нужно. В тебе нет зла. – А потом резко выпрямилась, отчего маленькая, как казалось, старушка стала с меня ростом и, положив одну свою ладонь мне на лоб, а другую на солнечное сплетение, четко и громко, глядя мне в глаза, произнесла: – Разрешаю остаться!

Я почувствовала прокатившееся по всему телу тепло, почти жар, и ошарашенно спросила:

– Что это было?

– Разрешение и распечатывание теперь уже твоей магии, – усмехнулась старушка, но уже с некой натугой, и снова сгорбилась. – Неужто ты думала, что мы можем оставить у нас всякую случайно забредшую душу? Ох, сколько вас одно

время таких шустрых было!.. Но сейчас ничего, баланс после появления в этом мире магии почти восстановился, и переселенцы, как ты, почти уже и не встречаются...

Старушка немного рассказала о тех временах – коротко, всего несколько фраз, но я поняла, что она одна из хранительниц этого мира и только что меня, так сказать, легализовала.

– Спасибо, — поблагодарила я. Не сомневаюсь, что при желании у нее вполне хватило бы сил изгнать чужую душу прочь. – Так история со скамейкой ваших рук дело? – меня внезапно осенило.

– Конечно. Видишь ли, именно в таких, можно сказать, неудобных и неожиданных ситуациях ярче всего раскрывается человеческая натура. А ты попала в тело магически одаренной девушки, имеющей власть и деньги. Поверь, этому миру вовсе ни к чему еще один неподготовленный, свихнувшийся от вседозволенности человек.

– А Сережка?

– А что Сережка? Этого мальчика ты сама притащила, чем немало меня удивила.

Мы снова ненадолго замолчали. Мне столько хотелось у нее спросить, столько разузнать, но я чувствовала, совершенно точно откуда-то знала, что отведенное мне время аудиенции стремительно заканчивается. А потому задала самый дурацкий из всех возможных вопросов:

– Почему это тело?

– Да почему мне знать?! – удивилась старушка.

– Но как мне с ним жить? Я же была совсем другой!

Старушка укоризненно покачала головой и сказала одну простую вещь, которая очень многое изменила в моем будущем:

– Неважно, как ты выглядишь: полная ты или худая, с большим или маленьким носом или ртом, высокая или низкая – все это частности. Главное, любишь ты себя или нет, и принимаешь ли такой, какая ты есть, осознаешь ли свою ценность как существа, созданного Богом. Да и все эти внешние атрибуты... – она махнула рукой. – Разве этому мальчонке было важно, толстая ты или худая? – скосив на меня взгляд, добавила: – Но похудеть тебе не помешает. В первую очередь – для твоего же здоровья, но любовь к себе подразумевает и это. – А потом как-то раздраженно передернула плечами: – В общем, направление мысли ты поняла. И нечего тут мне жаловаться на свою сытую жизнь и молодое тело! – А под конец и вовсе посуровела: – Все в твоих руках! А теперь ступай, мне еще с твоими маменькой и папенькой переговорить нужно. Уж очень они за тебя переживают.

Перечить я и не подумала, а потому невольно поклонилась Старице и задумчиво пошла к бричке, на которой мы приехали.

Глава 2

Многие любят начинать новую жизнь с понедельника или, что реже, с завтрашнего дня. Я же решила ее изменить здесь и сейчас. Но для начала нужно было все хорошенько обдумать. А потому сразу по прибытию домой поднялась в свою комнату и, даже не пуская слуг, чтобы помогли мне переодеться, закрыла дверь на ключ. Мысли метались, как сбившиеся с курса тактические ракеты и разве что не взрывались в моей воодушевленной и готовой к бою голове. Взяв себя в руки, я решила-таки составить план действий.

Пришлось все же кликнуть слуг, чтобы принесли писчие принадлежности. Перо с чернилами я решительно отодвинула, так как еще не умела пользоваться этим, казалось бы, простым девайсом. И решительно взяла карандаш и чистый лист бумаги.

Исчеркав несколько листов, пыталась упорядочить свои мысли, у меня в конечном итоге появился список первоочередных задач.

Полюбить себя.

Меньше жрать.

Больше пить чистой воды.

Заняться физическими упражнениями.

Узнать больше об этом мире.

Узнать, что там у меня с магией, обещанной Старицей.

Наметить курс развития (вытекает из п. 4 и 5)

Я покрутила листок в руке, прикинула так и эдак и решила, что на первое время задач я себе поставила достаточно. А потому нужно переходить к первому пункту.

С грохотом пододвинув большое зеркало на колесиках к кровати, уселась на ее краешек и уставилась на свое отражение. «Смотри, Дусенька, какие у тебя красивые, манящие заплывшие жиром глазки, а кругленькие, я бы даже сказала – опухшие щечки, а тройной подбородок! Разве во все это возможно не влюбиться?»

Я со стоном повалилась на постель. Нет, задача полюбить себя явно будет нетривиальной, и придется для этого сильно постараться. Я, конечно, понимала, что в женщине отнюдь не всегда главное – внешность. И яркими примерами в моем мире служат неповторимая и искрометная Барбара Стрэйзанд, талантливейшие певица Бьорк и актриса Тильда Суинтон. И это лишь самый малый пример известнейших, популярнейших и любимейших миллионами мужчин женщин, чьи стандарты красоты очень далеки от общепринятых. А герцогиня корнуольская Камилла Паркер-боулз – жена принца Чарльза, которую когда-то не смогла в его глазах затмить даже всеми любимая прекрасная принцесса Диана? Нет, права Старица: внешность далеко не всё в жизни любой женщины. Но, блин, в моем случае все уж как-то слишком грустно!

А с другой стороны, разве я собираюсь и дальше оставаться колобком? Нет! Я собираюсь над собой работать, так себя любить, чтобы все остальные просто выпали в осадок! Ведь любить себя любимую – это не равно жалеть. Это равно постоянная работа над формой и содержанием! Во как загнула! Но лозунг мне понравился.

Что ж, тогда оценим, так сказать, потенциал.

И я снова, перевалившись сначала на бок, а потом помогая себе руками, села на кровати и посмотрела на себя в зеркало.

«А в принципе, если не придираяться и представить, что на мне нет столько жира, то лицо вполне симпатичное... Наверное... Нет, не наверное, а точно! Я же себя люблю? Люблю, конечно! Так вот, – я приблизилась поближе к зеркалу, – глаза у меня, оказывается, зеленые. Редкий цвет, кстати! Нос небольшой, даже можно сказать – аккуратный, волосы... Да, а волосы-то у меня просто шикарные: рыжие и вьющиеся! Коса в руку толщиной и длиной почти до пояса. Мороки, правда, с этими волосами много, но лишить себя такого украшения в этом теле я даже под страхом смерти не позволю!»

Я задумалась и решила, что на сегодня полюбила себя достаточно. А потому нужно переходить ко второму пункту. Тем более что и есть-то уже хотелось невероятно! Нда-а-а, а задача-то ох какая непростая вырисовывается, а учитывая мои предыдущие провалы...

Нет! Нужно все решительно менять! Во-первых, мотивационная часть:

1. Хочу быть красивой! Это не значит худой, но, по крайней мере, приемлемых размеров. Для начала...

2. Хочу быть здоровой!

Это сейчас по молодости и юности у меня еще все более-менее, а потом с таким весом прямая дорога к диабету, проблемам с гормонами, позвоночником, ногами, внутренними органами. И, как ни прискорбно, родить в моем случае будет непосильной задачей. Конечно, пока об этом думать рано, но если сейчас не заняться своим здоровьем, то совсем скоро будет уже поздно.

Ну, что ж, мотивационная часть у меня будь здоров! Я бы даже сказала эге-гей и ой-ой-ой! Теперь нужно составить план действий!

1. Отказываться от еды нельзя. Это в нашем мире все диетологи твердят наперебой.

2. Есть нужно часто, но маленькими порциями. Мне почему-то казалось, что так будет проще помочь вернуть желудку приемлемый размер.

3. Есть нежирную пищу, отдавая предпочтение кашам, а не булкам и пирогам.

4. Самый главный пункт: убедить домашних помочь мне во все этом!

5. Ну и, конечно же, пить больше воды.

С этим лозунгом выступают почти все диетологи, и не за-

цепить его в нашем мире хотя бы краем сознания сложно. А что касается физических нагрузок, то тут и ежику понятно, что нужно больше двигаться. С магией, как и курсом развития, будем разбираться по ходу дела.

Разложив в голове все по полочкам, я вихрем... эээ... ну или пушечным ядром, сшибавшем все и вся на своем пути, первым делом понеслась в кухню, где застала заканчивавшую готовить обед кухарку Марфу с помощниками. Выкаты своим слугам, пусть даже они в разы тебя старше, не принято, поэтому я пала в другую крайность.

– Марфочка, миленькая! – Дородная женщина с легким платком на голове даже опешила от такого обращения, так как никогда раньше я в подобном не была замечена. – Ты так чудесно готовишь, что оторваться от твоих блюд просто невозможно! – Кухарка заулыбалась и даже немного покраснела от удовольствия. – И я знаю, что именно ты сможешь сделать невозможное и помочь мне избавиться от лишних килограммов! – От такого заявления Марфа широко раскрыла глаза и поглядела на меня с недоверием. – Да, Марфочка, я расскажу тебе по большому секрету. – Я демонстративно понизила голос, что, правда, никому из присутствовавших не помешало меня услышать, и нагнулась к ней поближе: – Я сегодня говорила *с той самой* Старицей, – я даже подняла указательный палец вверх, акцентируя внимание, – и она благословила меня на работу над своим весом. Более того, она сказала, что это большое счастье, что мне удалось оч-

нуться, и магия тоже вернется, но для этого и тело должно быть подготовлено, иначе можно опять скатиться в то же самое состояние!

Не удивлюсь, если эта новость разнесется по дому с быстротой молнии, и об этой «тайне» станет известно решительно всем. Ведь магия это не только сверх возможности для одного взятого человека, это еще и поднятие престижа семьи и рода в целом. И чтобы эту самую магию вернуть, никто не пожалеет ни сил, ни средств. А тут всего-то надо помочь хозяйке скинуть лишние килограммы.

– Ох! – всплеснула руками кухарка. – Госпожа! Да что ж нужно делать-то? Вы только скажите! Я ж... мы ж за всегда! – выдала она и преданно на меня уставилась.

«Вот! Это дело! Наконец-то! – торжествовала я. – А то надоело уже: “Что-то госпожа ничего не ест, вон, румянца нету, держите пирожочек!”». Но успех нужно было закрепить, поэтому я взяла быка за рога:

– Я составлю меню на неделю. Его нужно будет строго придерживаться и кормить меня продуктами только из этого списка. Количество я тоже напишу. Если же я буду просить больше, то не давать и даже прятать!

От моего последнего требования кухарка вздрогнула и перекрестилась:

– Свят-свят, госпожа! Да как же ж от вас еду-то прятать? – взмолилась она.

– Магия требует жертв! – пафосно продекламировала

я, перефразировав известную фразу. После чего попросила принести мне обед, состоящий из одной тарелки супа, одной тарелки каши с одним кусочком отбивной и небольшой порцией салата ко мне в комнату. Нормальный такой обед для любого мужчины, но для прежней Евдокии – так, разогрев перед основным блюдом.

А так как первое время мне будет трудно удержать свой аппетит в узде, если я увижу уже привычно накрытый обеденный стол, то лучше мне принимать пищу отдельно. Знаю уже, проходили! Не поверите, но это даже страшно, когда видишь, что в тебя столько всего за раз влезает, а остановиться не позволяет зверский аппетит!

Стоило мне только покинуть кухню, как меня перехватила маменька, которой уже каким-то чудом стало известно о возможности возвращения моей магии.

– Доченька, Дусенька, почему же ты мне не рассказала?! – увещевала она меня и заглядывала в глаза, пытаюсь понять, что же еще я могла скрывать о разговоре со Старицей.

– Ой, маменька, меня все это так ошарашило, что понадобилось время, чтобы прийти в себя. И, честно говоря, у меня еще случаются моменты задумчивости, присущие мне все последнее время. – Решила я перестраховаться и списать свои теперешние и даже будущие странности на прошлые проблемы с головой.

От моих слов маменька чуть не бухнулась в обморок, но вовремя заметила, что вокруг никого нет, и подхватить ее

обмякшее тело будет некому. А потому лишь закатила глаза и положила на грудь руку, будто ей не хватало воздуха. Все-таки мода падать в обморок и в этом мире, судя по всему, тоже присутствовала. Но, несмотря на некоторую театральность, я все же видела, что она действительно переживала.

– Ох, Дусенька! Не пугай меня так! Может, тебе стоит отдохнуть и прилечь?

– Нет, маменька, – ответила со скорбным выражением лица. – Старица сказала, что для полного выздоровления и возврата магии мне нужно больше двигаться и учиться, чтобы напрягать свой ум. – И, видя, что маменька предельно внимательно меня слушает, решила сразу решить проблему с учителями: – Меня ведь с десяти лет ничему толком не обучали, ведь так?

– Так доченька, так, – тяжело вздохнула она. – Куда ж тебе было учиться, ежели непонятно было, то ли ты спишь с открытыми глазами, то ли бодрствуешь? Только когда ела немного оживлялась, и нам казалось, будто понимала, что вокруг творится и о чем с тобой говорят. Даже улыбалась иногда, – всхлипнула женщина и приложила к глазам выуженный откуда-то платочек.

Понятно теперь, почему меня так усиленно кормили. Видимо, пытались таким образом вернуть Евдокию к жизни. Жалко, конечно, их, особенно эту пытавшуюся взять себя в руки женщину. Однако той Евдокии уже нет и никогда не будет, а я есть, и мне безумно обидно, что несчастную девоч-

ку так жутко раскормили, и мне теперь с этим жить!

Но, с другой стороны, я ведь всего лишь подселенка в чужое тело. Что я могу знать о том, как мучились и переживали родные и близкие этой девочки? Наверное, всем им хотелось увидеть хоть отголоски жизни в глазах любимого ребенка, пусть даже для этого ей нужно было всучить очередной пирожок.

Поэтому, я повернулась чуть боком и обняла женщину, положив голову ей на плечо. Просто если бы я стояла прямо, то подобный финт с моими габаритами было бы не провернуть. Несколько минут мы так и стояли. Я, пытаюсь осознать, что в этом мире у меня все же есть люди, которые обо мне беспокоились, пусть даже и принимали не за ту, кем я являлась. А госпожа Дарья пыталась до конца осознать и поверить, что ее дочь, кажется, вернулась.

«Эх, но почему же так паршиво на душе и плакать хочется? – думалось мне. – То ли от осознания того, что приходится обманывать хороших людей, то ли от того, что своих собственных родителей мне увидеть уже не суждено. Хотя, не будь меня, а вернее – моей шальной души, что каким-то непостижимым образом заселилась в тело этой девочки, эти люди уже месяц как потеряли бы даже то небольшое, что имели при общении со своей дочерью. А я могу сделать так, чтобы они радовались и гордились своей дочерью! Чтобы мои корпулентные достоинства упоминались действительно как достоинства! Чтобы со мной искали встреч, а недоброжела-

тели захлёбывались своей ядовитой слюной лишь при моем упоминании! Чтобы имя княжны Евдокии Раевской гремело по всей России! Чтобы... Н-да... Я внутренне расхохоталась и взялась за голову. Это ж надо, как меня занесло! Прямо раскормленный Наполеон в юбке!

Интересно, а здесь такой персонаж имеется или затерялся среди иных линий судьбы? Сколько же я еще не знаю об этом мире! Вот мы и вернулись к тому, ради чего затевался разговор.

– Маменька... – осторожно начала я. – Мне так хочется учиться, так хочется постигать этот мир! Мне даже плохо становится от осознания того, сколько лет я провела в том совершенно непонятном состоянии и сколько всего упустила! – скосила вбок глаза, чтобы понять, дошел мой посыл до адреса или нет.

По тому, как зажглись очи маменьки, я поняла, что у той по этому поводу уже даже появился план.

– Дусенька, так за чем дело встало?! Сегодня же выпишу из Московии лучших учителей! И уже через пару дней они будут здесь!

Я даже подпрыгнула и захлопала в ладоши, выражая радость. Но по тому, как содрогнулся при моем прыжке весь дом, где-то за стенкой что-то с грохотом упало и округлились глаза маменьки, я поняла, что выражать свои чувства нужно менее эмоционально.

Если вы думаете, что сразу после обеда, который, к слову,

оказался мне на один зуб и голод лишь притупил, я отправилась заниматься физическими упражнениями, то глубоко заблуждаетесь. Я так с непривычки устала столько двигаться, что просто-напросто отключилась и проспала целых два часа. После пробуждения попросила большой стакан воды и приказала приносить мне его каждый день за пятнадцать минут до еды. А утром и вовсе два. Я еще не знала, смогу ли их по утру выпить, но решила попытаться. Говорят, подобный прием воды – словно утренний душ для всех внутренних органов.

Потом я размялась в меру возможностей. Хотела было сесть за написание своего меню, но посмотрела на улицу и поняла, что нужно выбираться на прогулку. Правда, по дороге все же зашла в кухню и попросила бутерброд, который запила вкуснейшим компотом. Все-таки есть мне хотелось жутко, а совсем насиловать свой организм не считала нужным. Я же не голодовку объявила, а просто решила по мере сил правильно питаться. Знаю, что бутерброд с мясом не совсем правильный перекус, и лучше бы ограничиться каким-нибудь салатиком, но именно такой бутерброд мне сейчас хотелось просто до одури. Не скажу, что он удовлетворил мой голод, но все же немного притупил его, и я нашла в себе силы отказаться от второго. Хотя взгляд невольно так и прикипел к этому сочному, вкуснейшему, ароматнейшему мясу, которое лежало на свежайшем хлебушке с хрустящей корочкой. Я с силой мотнула головой, вытряхивая настырные об-

разы, сглотнула набежавшую слюну и направилась на улицу.

Моя прогулка в сад продлилась аж до первой скамейки, которая попала на пути. Тяжело отдуваясь, я со счастливым видом присела. Хотя правильнее было бы сказать – бухнулась. И вытянула ноги. Это в очередной раз убедило меня в том, что с настолько лишним весом справиться будет очень и очень непросто.

Немного отдышавшись, я заметила, что с ветки соседней яблони за мной наблюдают.

– О, Сережка, привет! – улыбнулась я и помахала мальчишке рукой.

Бедолага отчего-то так перепугался, что не удержался и кулем свалился на землю. Хорошо хоть ветка была не слишком высоко, да и сам парнишка, видимо, крепким. Потому что в миг подхватился и, поднявшись на ноги, низко мне поклонился, безуспешно пытаясь прикрыть полную пазуху белого налива, которую успел нарвать. А когда понял, что это у него не выходит, ухватился за ворот рубахи и бухнулся на колени.

– Г-госпожа, п-простите! – дико перепугавшись, залепетал он. – Я не хотел! Я все верну! Честное слово!

– Ой, да что там возвращать, – махнула я рукой.

А парнишка, вместо того чтобы успокоиться, совсем сник. Его даже как-то затрясло.

– Эй, ты чего? – уже по-настоящему перепугалась я.

Может, он ударился? Я встала, чтобы подойти и прове-

ритель, как у него дела. Он совсем скукожился и начал бормотать:

– Госпожа, только не выгоняйте, пожалуйста! Я не вор, честное слово, госпожа!

Доковыляв до пацана, я остановилась в нерешительности, не зная, что и предпринять. А потому бухнулась на травку своей незабвенной пятой точкой рядом с мальчонкой и проговорила:

– А я в детстве тоже любила яблоки прямо с дерева есть.

– Вы? – не поверил он, глядя то на меня, то на яблоньки с каким-то священным ужасом.

Я расхохоталась – все его мысли были написаны у него на лице.

– Ну, я тогда не была такой большой и толстой, – все же уточнила я. – Дашь яблочко?

– А? – сначала не понял Сережа и уставился на мою протянутую руку. – Д-да, конечно!

И тут же достал из-за пазухи несколько фруктов. Придирчиво их осмотрел, выбрал самое ровненькое и румяное и, обтерев о свои не слишком чистые холщовые штаны, с благоговением протянул мне. Я вздохнула, обтерла яблоко уже о свое светлое платье и откусила. Ммм... Как там говорила Маша из мультика? Вкусновато, но маловато!

– Чего смотришь? Все доставай! – глянула я на мальчика. – И давай, рядом садись и тоже кушай.

Сережка выпростал рубаху из штанов, и все яблоки вы-

сыпались на траву рядом. Он выбрал еще несколько, по его мнению, самых-самых и протянул мне, однако же сам к ним не притронулся. Я очередной раз оценила его щедедушный вид:

– У меня к тебе серьезный разговор будет как к большому, понимаешь? – Тот преданно кивнул головой. – Ты ешь давай, а то мне одной жевать неудобно. Ага, вот так... Так вот, есть у меня одна проблема... – протянула я и скосила на него взгляд. – Ты, кстати, ел сегодня?

Парнишка отрицательно покачал головой, а я поняла, что привело его на дерево. Ведь он прекрасно знал, что если его застукают за хищением хозяйским яблок, то вполне могут выпороть, а то и вовсе выгнать. А в его положении это смерти подобно. Никто после такого с ним даже разговаривать не станет. Но голод не тетка...

– А вчера ел? – уточнила я, глядя на его худенькие плечики.

Он как-то неопределенно пожал плечами. Видимо, все же что-то в рот попало, но это было давно и неправда.

– Так... – меня подобное положение дел не устраивало совершенно! Это ведь наша родовая вотчина, а здесь дети голодают! – И много вас таких?

– Каких?

– Без родителей и голодающих?

– Не, я один. У всех родственники какие никакие есть. Они своих не бросают, а мы пришлые были, – пожал он пле-

чами.

– Н-да... – В голове метались мысли совсем уж нецензурного характера, но я попыталась сконцентрироваться. – Неужели отец тебе ничего не оставлял, когда уезжал?

– Оставлял, – тяжело вздохнул мальчик. – Только давно это было. Он должен был вернуть самое позднее недели две назад. Но...

Глаза мальчика снова оказались на мокром месте, и он отвернулся, стараясь спрятать лицо. Но этой его беде я помочь не могла, а потому не стала и дальше смущать или жалеть.

– Что ж... – я поглядела на огрызок в руке. – У нас с тобой сейчас одна проблема: еда! – подвела я итог. – Только у тебя ее недостаток, а у меня переизбыток. – швырнула огрызок за спину. – Так вот, мы будем друг другу помогать. – Мои слова явно запутали мальчика еще больше, но он повернулся и посмотрел на меня с таким преданным видом, что даже как-то не по себе стало. – Короче... мне нужен помощник, который будет мне помогать худеть...

Глаза Сережи сделались большие-пребольшие. Он явно недоумевал, при чем здесь он.

– ...Понимаешь... – медленно проговорила я, подбирая слова, и внезапно меня понесло: – Откровенно говоря, я толстая, не просто толстая, а очень толстая! И сейчас, когда я вышла из того странного состояния, в котором долгое время пребывала, меня это не устраивает. Мне элементарно тяжело ходить! А подняться сейчас с этой травки без твоей по-

мощи я и вовсе не смогу! Это меня просто убивает! – мои плечи поникли, но я продолжила свой то ли рассказ, то ли исповедь. Ведь, по сути, в этом мире я ни с кем еще не делилась своими истинными переживаниями и чувствами. – Я хочу похудеть! А все вокруг меня жалеют и так и норовят покормить! Нет, я уже сделала некоторые шаги в этом направлении, но мне нужен кто-то, кто будет меня подгонять, скажет правду в лицо и просто отнимет лишний бутерброд, а потом не будет трепаться и злорадствовать о том, как комично я выгляжу, когда делаю какие-то упражнения! В моем окружении таких нет. Но ты...

Я тоскливо посмотрела на мальчишку и осеклась. «Что на меня нашло? Эх, накипело». Бедный мальчуган смотрел как-то совсем уж затравленно.

– ...Ох, Сережка, прости! У тебя сейчас и своих проблем выше крыши, а тут еще большая тетенька лезет с непонятными речами! Не бери в голову! Пошли лучше, я ответу тебя на кухню и велю накормить. А то не дело это, детям голодать. Помоги лучше мне встать, – протянула к нему руки.

Он тут же подскочил и по мере сил, не с первого раза, но помог мне подняться.

В этот момент из-за поворота появилась девочка примерно его возраста с нянечкой. А вернее, не просто девочка, а моя сводная сестра Марья. Ее положение в нашей семье было шатким и малопонятным. Дело в том, что отец ее прижил где-то на стороне то ли от селянки, то ли, наоборот, от дво-

рянки. В общем, в какой-то момент он просто привез новорожденную девочку домой и сказал, что это его дочь. Что там было! Конечно, для матери это был удар, однако не настолько сильный, как вы могли бы подумать, соотнося с современными реалиями или даже с реалиями девятнадцатого века нашего мира.

Дело в том, что здесь уже более двухсот лет формировалось магическое общество со своими особенностями. А так как магически одаренных людей изначально было мало, то и дети от них имели большую ценность, ибо, как выяснилось, магия распространялась только по крови. И, в принципе, не имело значения, зачат ребенок от магически одаренной женщины или нет. Однако, от магичек одаренные дети рождались стопроцентно, а от обычных бывало всякое. А потому в обществе не то, чтобы приветствовали связи на стороне и рождение одаренных детей, но не осуждали и таких детей принимали вполне благосклонно, чего нельзя было сказать об их матерях. Как-то так...

На востоке с этим было еще проще. Там были гаремы и институт многоженства. И это настораживало весь остальной мир, которому хорошо был известен воинственный настрой этой части земного шара, и их явное магическое усиление всех будоражило и заставляло гораздо проще смотреть на появление у магов детей на стороне. Более того, чем дальше, тем больше это приветствовалось. И если уж у тебя родился такой ребенок, то по негласному закону ты должен был его

принять и дать должное образование. Но, как вы понимаете, это не дает никакой гарантии, что его будут любить и относиться как к своим собственным детям. Это, конечно, касается официальных жен, а если кого-то не любит хозяйка, то сами понимаете. Мужчинам-то детьми заниматься некогда.

Вот и у Марьи была та же ситуации. Ее кормили, поили, ей выделили няню и гувернантку, но на этом все. Она была маленьким изгоем и в принявшей ее семье, и среди простых людей. Даже в церковь она ездила отдельно и старалась не попадать никому из домашних на глаза. А уж за общий стол матушка ее принципиально не пускала. Для меня это было дико, но пока я и сама была, можно сказать, на птичьих правах, поэтому просто изучала, что происходит вокруг, и не вмешивалась.

Именно поэтому Марья меня не любила, да что там – люто ненавидела со всем пылом своей детской недолюбленной души. Ведь меня даже такую, с проблемами с головой, расплывшуюся от постоянного жевания, все любили и демонстрировали это, заботились и желали угодить, а ей доставалось лишь пренебрежение и явное равнодушие.

Сама Евдокия хорошо помнила, как Марья несколько раз приходила к ней и, в порыве очередной полученной обиды, говорила, какая она противная, толстая и злая. Да-да, именно злая, потому что Евдокии пусть даже и из-за болезни тоже было все равно, что происходит с маленькой девочкой.

За последний месяц я пыталась с ней несколько раз по-

говорить, но безрезультатно. Девочка меня к себе не подпускала. Да и мой общий депрессивный настрой не располагал к общению с таким ершистым собеседником. Вот и сегодня, только завидев меня, она повыше задрала подбородок, поклонилась и с равнодушным видом собралась пройти мимо. Однако ее взгляд зацепился за Сережку, следовавшего за мной, и маска равнодушия треснула, сменившись явно скрываемым интересом.

На территории усадьбы других детей не было. А тут со мной идет мальчик, явно не знатного происхождения и примерно ее возраста.

– Марья, я тоже рада тебя видеть! – улыбнулась я. – А это Сережа, наш новый помощник конюха. Хотя... – я задумалась. – Сереж, а пойдешь ко мне в пажи?

Я развернулась и увидела, что мальчик совсем растерялся от подобного вопроса. И есть у меня подозрение, что он просто не знал, что это вообще за звери такие. В Российскую Империю в этом мире европейское понятие «паж» привез не Петр Первый, которого здесь не было, а другой государь, и случилось это не так давно. И, как и при Петре, пока на эту должность брали не только маленьких дворян, а просто сообразительных и шустрых мальчишек. Обо всех этих нюансах мне услужливо сообщила память Евдокии.

– Паж – это личный слуга, – поспешила объяснить я.

На что мальчик широко-широко раскрыл глаза, а потом бухнулся на колени и истово заверил меня, что хоть кем го-

тов быть, лишь бы при мне. Марья при этом хмыкнула, еще выше задрала подбородок и направилась дальше. Нянечка, кланяясь, направилась за ней. А мне пришлось прикрикнуть на мальчика, чтобы он перестал валяться в пыли и вообще бухаться при мне на колени.

Оставив мальчика у Марфы я направилась обратно на прогулку – подальше от соблазнов, но меня перехватила служанка Маланья и сказала, что маменька просила передать, что у нас гости, и меня ожидают в гостинной.

– И кто к нам заявился? – без энтузиазма спросила я.

– Князь Вылузгин с женой, сыном и дочерью. Они прослышали, что ваш недуг, наконец, побежден, и прибыли с визитом вежливости, – охотно ответила Маланья.

– Мой недуг уже месяц, как побежден, – проворчала я, совершенно не желая видеть каких-либо гостей, – а они только сейчас пожаловали.

– Так нет в этом ничего странного. Никто ведь ничего точно не знал, – удивилась Маланья. – А сегодня сама Старица объявила, что вы свой недуг победили. А значит совсем скоро к нам вся окрестная знать в гости пожелует. Вы ведь у нас девушка на выданье! – заулыбалась, будто что-то приятное сказала.

Да меня в жены сейчас только по большой нужде кто-то и возьмет. А ведь я по любви хочу! Большой, чистой и взаим-

ной! Можно даже грязной, но обязательно взаимной – припомнила я несколько неприличных романчиков, прочитанных мной как-то на досуге, и хихикнула. А кто меня такую полюбит? Я снова скосила взгляд на свой тройной подбородок. Разве что извращенец какой. А такого мне не нать.

– Ой, госпожа, у вас же все платье грязное! Нужно срочно переодеться! – воскликнула Маланья.

Ну да, я же попой по траве елозила. Неудивительно, что испачкалась. А потому пришлось подниматься в свою комнату, где меня со всей возможной скоростью переоблачили, напоследок обдав туалетной водой.

Так себе запах, сама бы такой я точно не выбрала.

– Ап-чхи! – вырвалось у меня. – Ап-чхи! Слушай, ты ведь меня раньше никогда не обрызгивала, сейчас-то зачем? Ап-чхи!

– Так гости же... – растерялась она. – Госпожа должна быть самой красивой!

– Ап-чхи! Понятно. И где ты только взяла это чудо парфюмерии? – поинтересовалась я, вытирая выступившие на глазах слезы.

– Ась? – горничная явно растерялась, услышав незнакомое слово.

– Проветри здесь, говорю! Ап-чхи! И чтобы я этих духов больше не видела! Ап-чхи!

– Госпожа, простите! – Маланья тут же подала мне белый кружевной платочек. – Я прямо сейчас уберу их подальше.

А я, все так же поминутно чихая, вышла из комнаты.

Чета Вылузгиных чинно пила чай в гостиной. При моем появлении мужская ее часть встала и направилась ко мне в неумном желании прикоснуться губами к моей пухлой ручке. Вылузгин-младший при этом смотрел на меня и взглядом пытался выразить моей персоне свое полное восхищение. Получалось у него так себе. Особенно после того, как он приложился своими губами к моей лапке и уставился с этакой поволокой в глазах, призванной очаровать глупенькую меня, а я, вместо того чтобы мило покраснеть, задорно чихнула и высморкалась в платочек.

– Простите, господа, аллергия, – извинилась и снова с силой высморкалась.

Улыбку Вылузгина-младшего перекосило, но он быстро взял себя в руки и предложил свой локоть, чтобы довести до стола и усадить. Я, конечно, не отказалась, но по дороге успела еще несколько раз чихнуть прямо на незадачливого кавалера и извиниться, шумно высмаркиваясь. Нет, ну а что, аллергия же!

Во время чаепития мне в подруги усиленно сватали Вылузгину-младшую, это не учитывая того, что их мать как бы невзначай, но довольно неуклюже указывала на мой брачный возраст и то, что у нее есть такой замечательный Герасим, который, к слову, глаз с милой Евдокии, то есть с меня, не сводил. Тут уже каждый раз перекашивало мою физиономию, и в этот момент я старалась как можно ласковее улыбаться

Герасиму, от чего он каждый раз как-то странно вздрагивал. Боюсь, если он еще пару раз приедет к нам в гости, то я позабочусь о том, чтобы у него развился нервный тик.

Почему, спросите, я на него так взъелась? А нечего было пытаться сжимать под столом мою руку будто в порыве небывалой симпатии и вообще делать вид, будто без ума от прекрасной меня, когда и слепому видно, что этого кузнечика бросает в пот от одного взгляда на меня любимую. И пусть у меня не такой уж большой опыт общения с противоположным полом, но интерес мужчины я вполне могу почувствовать. В данном же случае проскальзывала отнюдь не симпатия, а хорошо скрываемое отвращение. Обидно, досадно, но ладно. У меня еще все впереди. Но вот лицемерия я не терпела, а потому нервный тик этому, прости Господи, Герасиму, точно обеспечу! Дайте время! Однако прямо сейчас нервный тик, кажется, имела все шансы заработать я сама. Так как на столе для прибывших гостей стоял не только чай, но и все к нему. А это булочки, варенье, мед и даже мои любимые пироженки. Пироженки! Понимаете? Такие маленькие, легкие, сладенькие, покрытые белой взбитой массой. Рука сама потянулась... нет, не за пироженкой, а за всей тарелкой разом, но заданный Герасимом под руку вопрос сбил гипнотический эффект, и мне удалось взять себя в руки.

– Евдокия, скажите, а как давно вы пришли в себя?

Я скосила на него недовольный взгляд, который так и норовил прикипеть к совершенно другому вожделенному объ-

екту, и ответила:

– Недавно.

В этот момент служанка подошла и подлила ему чай. Я к своему еще не притронулась. Просто если бы я начала пить чай, то непременно взяла хотя бы одну или две, или три, или... В общем, обязательно взяла что-нибудь пожевать.

– Маланья, – позвала я служанку, – принеси мне, пожалуйста, кофе. И покрепче!

А когда та принесла требуемое, начала его медленно цедить. Я люблю совершенно другой кофе – не такой крепкий и с молочком. В данном же случае цель была перебить кофейной горечью настойчивый привкус пироженок, которые в моем воображении уже были у меня во рту, и укротить настойчивое слюноотделение.

Чаепитие в конечном итоге крайне меня утомило, и я решила, что буду делать все, чтобы в будущем их избегать. Потому что моя сила воли крепка, но не стоит ее испытывать слишком часто.

К тому моменту как чета Вылузгиных таки нас покинула, до ужина оставался всего час, и я решила потратить его с пользой. А потому поднялась к себе в комнату и, кое-как стянув платье и оставшись в нижнем белье, начала делать гимнастику. Горничную не звала принципиально.

Начала с самого простого: покрутила головой, потом руками, кое-как корпусом. Потом попыталась сделать поднятие ног. Не скажу, что не получилось, но шуму я наделала.

Однако после того как я решила, как в былые времена, дотронуться пальцами рук до пальцев ног и, не совладав с центром тяжести, рухнула на пол, поняла, что заниматься гимнастикой в доме не вариант. Потому что в комнату тут же вломились все, кто только мог. Разве что братьев не было. Они куда-то умотали после воскресной службы и еще не вернулись.

Меня, конечно, подняли и принялись кудахтать над беденькой, несчастенькой мной, но как же было стыдно! А потому я решила приглядеть в саду полянку, где буду заниматься. Иначе или сломаю дом, а тряхнуло его после моего падения неслабо, или окончательно сломается моя самооценка. Чего никак нельзя было допускать, ведь я же себя люблю? Люблю! А потому самооценка – наше все!

Глава 3

На следующее утро я попросила разбудить меня пораньше. Некогда отлеживаться! Нужно брать в руки свое тело и свою жизнь! А потому я влила в себя два стакана воды, умылась, оделась и отправилась в сад. У крыльца меня уже ждал Сережка, которого я предупредила еще с вечера. Вдвоем мы направились в ту же сторону, куда я ходила и вчера, но на этот раз у первой скамейки мне уже не хотелось бухнуться и отдышаться. То ли дело было в утреннем азарте, то ли просто было больше сил, но я воодушевилась, и мы шли дальше. Пробежка для меня пока недостижимая высота человеческих возможностей, а потому решила устроить утреннюю проходку.

Сережка был рядом как моральная поддержка и страховка. Да-да, именно страховка. Я не обольщалась насчет собственного тела и понимала, что могу переоценить свои силы или же мне может стать плохо. И спутник, который сможет позвать на помощь, мне был необходим.

Обошлось без эксцессов, и, поручив мальчику найти в саду уединенную полянку для моих занятий, я минут через сорок приковыляла обратно. Времени как раз оставалось, чтобы помыться и привести себя в порядок перед завтраком, ведь, несмотря на усталость, которая охватила меня

от непривычных физических нагрузок, мне жутко хотелось есть! Казалось, что сейчас не посмотрю на диету и смету все, что выставят на стол.

Каково же было мое удивление, когда я обнаружила на столе только овсяную кашу на воде и ягоды к ней! Нет, я прекрасно помнила, что именно такое блюдо указала в своем меню вчера, когда собственноручно его составляла. Но то, что меня решит поддержать все семейство, удивило и тронуло. Правда, братьям общий семейный порыв явно был не по вкусу, и по тому, как алчно они поглядывали в сторону кухни, было понятно, что свой завтрак они еще обязательно продолжат. Отец косил в ту же сторону, но не так заметно.

Несмотря на не особо презентабельный вид каши, с головы она мне показалась очень даже вкусной. Недостаток у нее был один: она как-то уж слишком быстро закончилась, оставляя в желудке и на душе чувство неудовлетворенности. Настроение немного подняла чашечка любимого кофе с молоком и маленький бутербродик с маслицем, который я себе все-таки позволила. Какие там пирожные или конфеты?! Я этот бутербродик смаковала так, что даже братья соблазнились и прежде чем сбежать на кухню, намазали себе по приличному куску хлеба.

Говорят, что из-за стола нужно вставать с чувством легкого голода. Я встала с чувством большого, но постаралась не обращать на это внимания.

Следующим пунктом моей программы на сегодня было

начать изучение письменности – она сильно отличалась от той, к которой я привыкла. Одни эти твердые знаки, которые ставили в самых неожиданных местах, знатно меня смущали. Вот я и решила хоть немного подготовиться к общению с обещанными учителями.

Спросила у маменьки, как они смогут так быстро появиться у нас в имении – до Москвы полтора дня пути быстрой езды, да пока еще найдут учителей, и только потом они приедут – должно пройти не меньше недели, а она обещала, что учителя будут уже через два дня. На это маменька с удивлением на меня посмотрела и ответила, что магическую почту еще никто не отменял, а учителей к самим Раевским найти будет еще легче, чем передать просьбу через эту почту. Да за такую должность эти самые учителя передерутся! Так что через два дня они, без сомнения, уже будут здесь.

Когда же я попросила показать, как работает и что вообще из себя представляет устройство магической почты, меня провели в кабинет отца и продемонстрировали довольно большой резной ящик с тяжелой откидывающейся крышкой. Таких ящиков в комнате насчиталось с десятков. Оказалось, что изнутри эти самые ящики представляли собой не что иное, как железные короба с отверстиями по бокам. Как объяснила маменька, в ящик нужно положить письмо, крепко закрыть крышку и, расположив руки напротив тех самых боковых отверстий, выпустить в них немного своей магии, и через несколько секунд письмо окажется точно в таком же

ящике-близнеце. При этом расстояние между ними не имеет значения.

– А передавать можно только письма? – скептически спросила я.

Ну не впечатлила меня эта конструкция. Во-первых, громоздкая, во-вторых, сообщение можно передать только одному адресату, ну и в-третьих, пользоваться такой штукой могут только маги. Я, конечно, могла бы назвать еще причины, по которым этот агрегат оставил меня равнодушной, но и этих хватит, чтобы вы поняли, что в данном случае я не оценила полета магической мысли.

– Нет, в принципе, так можно передать любой предмет, который сюда влезет, – ответила княгиня. – Но предугадать, какой при этом будет отток магических сил, очень сложно. А тяжелая вещь и вовсе может отправить посылающего предмет мага в долгосрочный обморок с последующим долгим восстановлением магических сил.

Н-да, все равно не впечатлил меня этот агрегат. Хотя... Магия в этом мире, по сути, новорожденный ребенок. Ей же чуть больше двухсот лет, и не удивлюсь, если большую часть этого времени маги занимались вовсе не наукой, а изучением способов уничтожения себе подобных.

В общем, давай, Дусенька, открывай поскорее в себе магию. Начнем ее изучать и менять мир к лучшему! Хотя, может, просто намекнуть, что можно без всякой магии изобрести хотя бы телефон? Намекнуть-то можно, только кому?

Ясно, что, сидя здесь, в глуши, я никаких изобретателей не найду. Но ведь мы здесь будем не вечно, а лишь до конца лета, а потом поедem в столицу, где я собиралась вести активную светскую жизнь. И надеялась, что она будет состоять не только из балов, но и из общения с интересными людьми, среди которых обязательно должны затесаться какие-нибудь изобретатели. Не скажу, что я не хотела бы попасть и на сами балы, но даже если я захочу на них блистать – а кто из девочек не мечтал хоть разок засветиться на таком мероприятии? – то своими габаритами могу не просто блеснуть, а неосторожно даже покалечить. Н-да...

Поэтому возвращаюсь к самосовершенствованию.

Только я выбрала пару книжек в библиотеке и вышла в коридор, как дворецкий заявил, что к нам гости. Удивилась даже маменька – в высшем свете не принято приходить в гости без приглашения или хотя бы уведомления, а так рано – тем более.

Однако, как оказалось, если очень хочется, то можно. Посетителями оказались наши соседи, которые тоже прослышали о моем выздоровлении и просто рвались поздравить с этим знаменательным событием. Отец выступал на острие обороны нашего спокойствия и в данный момент беседовал с гостями в гостиной. Я же перехватила маменьку, которая спешила к нему на помощь, и шепотом спросила:

- Маменька, и много у нас таких посетителей намечается?
- Ой, Дусенька, боюсь, что теперь нам нужно готовиться к

частым визитам, – то ли с умилением, то ли с воодушевлением ответила княгиня Дарья Сергеевна. – По крайней мере, у меня уже полный поднос приглашений на твое имя! Все хотят тебя видеть! Но, сама понимаешь, не каждый отважится вот так просто приехать. А мы пока никого не звали, но, как видишь, даже это не является преградой!

– Вот и не нужно пока никого звать! – прошептала я. – И в гости я тоже ни к кому не поеду!

– Как это, Дусенька?! Это ведь неправильно! Сама Старика сказала, что ты здорова, поэтому никаких сомнений ни у кого нет! Общество просто не поймет, если мы тебя ему не представим!

– Маменька, мнение общества мне, конечно, очень важно! – Общественное мнение – последнее, о чем я сейчас думала. – Но сейчас моей главной задачей является разбудить собственную магию. А для этого мне нужно развивать свое тело и ум. – Я демонстративно постучала по обложке книги, которую держала в руках. Так же демонстративно стучать по выпирающим бокам я не стала. – А когда мне этим заниматься? За чаем, обедом или ужином с благородным обществом? Так я только еще больше раздобрею, а мне сейчас как никогда нужно оградить себя от всяких соблазнов!

– Но, Дусенька... – совсем растерялась княгиня. – Как же так? Ладно здесь, но в столице ты все равно не сможешь игнорировать выезды в свет, приглашения и подобные визиты!

– А я и не собираюсь! – заверила я. – Просто мне пока

нужно привыкнуть к новому режиму, встать на новые рельсы, выйти из пике! А там уже будет гораздо проще. По крайней мере, я на это очень надеюсь.

Последнюю фразу я сказала совсем тихо и только для себя.

– Дорогая, а при чем тут ткань? – удивленно глядя на меня, спросила маменька.

Ой, а самолеты-то еще не изобрели, и с подобным термином здесь еще незнакомы, и маменька, видимо, подумала, что я имею в виду ткань в рубчик, которая называлась «пике». Честно говоря, я и сама не знала, что существуют ткани с таким названием, но в завалах слитой с моей памяти Евдокии я неожиданно раскопала, что именно княгиня имела в виду.

Самое интересное, что упоминание рельс ее не смутило, потому что железнодорожное сообщение, как и в нашем мире, в России хоть и в очень малой степени, но было запущено в начале девятнадцатого века. И чем больше я сравнивала техническое развитие наших миров, тем больше с удивлением понимала, что оно было примерно на одном уровне, несмотря на появление в этом мире магии. Я связывала этот интересный факт с тем, что магия была доступна слишком немногим избранным и существовала как бы сама по себе и часто воспринималась лишь как военный аспект, а не что-то, что может помочь людям в каждодневном использовании. Тем более что обычным людям магия все равно недо-

ступна.

– Совершенно не при чем! Я имела в виду другое значение этого слова... – Я тяжело вздохнула. – Пике – это резко снижение, а в моем случае – резкое падение вниз.

– Евдокия... Ты, княжна Раевская, и ни о каком падении или снижении твоей значимости не может идти и речи!

– Да кто ж спорит?! Это я так, для более красочного описания сказала. Раевские должны и могут только вверх, только к звездам! – начала я очередной вдохновенный спич, но наткнулась на полезшие на лоб брови княгини и поняла, что советские лозунги тут не прокатят. – В общем, маменька, для всех я выздоровела, но мне нужен адаптационный период. И если кто будет меня спрашивать или зазывать в гости, говорите, что я на адаптации. И как только, так сразу, с удовольствием почту всех желающих своим присутствием.

И направилась к выходу в задней части дома, чтобы почитать в саду. Где меня и нашел Сережка.

– Госпожа, я нашел полянку! Такую, как вы просили! – он замялся и уточнил: – Только она далековато, в самом конце сада, там, где рукой подать до леса.

– Вот и хорошо! Вот и замечательно! – обрадовалась я. – Пошли, покажешь!

Только далеко уйти мы не успели – нас окликнули:

– Евдокия Поликарповна, доброе утро! Прошу прощения, что нарушаю ваше уединение, но уж очень велико было желание увидеть вас и поздравить с выздоровлением!..

Ух ты! Меня здесь так официально редко называли. Я даже как-то приосанилась от такого обращения. Ко мне подошел довольно привлекательный русоволосый молодой человек и выжидающе на меня уставился.

— ...Ой, простите, должно быть, вы меня не помните. Позвольте представиться, я ваш сосед, князь Родион Михайлович Ситский, для вас можно просто Родион.

И он расплылся в улыбке, снова выжидающе на меня глядя. А до меня только сейчас дошло, что он ждет, что я протяну ему для поцелуя руку.

Ну, я и протянула, мне не жалко.

— Рада, снова с вами познакомиться.

Зря. Потому что этот Ситский расценил подобную малость, как некий аванс, и тут же двинулся в бой:

— Евдокия Поликарповна, мы только вчера вечером узнали о вашем чудесном исцелении и не смогли остаться к этому равнодушными! Поэтому я уговорил маменьку ехать к вам с самого утра и даже без предупреждения! — расцвел он в своей самой, как он наверняка думал, обаятельной улыбке. — Конечно, маменька сомневалась, стоит ли ехать вот так сразу, но меня как будто что-то потянуло, и я просто не мог противиться внутреннему призыву! Теперь я понял почему! — Я опешила от разыгрывавшегося на моих глазах спектакля одного актера, и просто стояла и хлопала глазами. — Вы та, которую мое сердце выбрало на расстоянии! — Он демонстративно ухватился за грудь. — Это оно проложило к вам мой

путь! – С надрывом продолжил он.

– Простите, – не могла не вмешаться я, – сердце находится с другой стороны.

– Что? – Бедняга даже сбился с волны источника им любовного дурмана для одной малоумной девочки.

– Сердце, говорю, находится слева, а не справа. Если вы, конечно, не отравили себе два.

Совершенно не смутившись, он переложил руки на другую часть груди и продолжил:

– Ах! Это все нервы! Так вот... Теперь я уверен, что лишь свет ваших глаз сможет погасить тот пожар, что зажегся в моей груди, стоило мне вас увидеть!

Этот суицидник исторгал всю эту ахинею с интонациями бездарного абитуриента, который изо всех сил старался поступить в театральный ВУЗ. Признаться, я не смогла сдержаться и в тон ему, вытянув руку ему навстречу, проговорила:

– Ах, Родион! Роденька! Как же я вас ждала! Если бы вы знали, как я днями и ночами пряла ту незримую нить, что ухватила ваше сердце и притянула ко мне! Да-да, то самое, что все-таки с левой стороны! Милый мой, как я хочу вас обнять! – И я посильнее сжала руки в демонстрации будущих объятий. От натуги мое лицо даже побагровело. Мой собеседник резко побледнел и сделал шаг назад. – Нет, не так! Еще сильнее! Однако правила приличия меня сдерживают! – Я демонстративно опустила глазки долу. – Но если вы еще

хотя бы чуть-чуть расскажете мне, как я вам небезразлична, то и эти глупые правила перестанут на меня давить! Ну же! Чего вы молчите?! – с остервенением, будто и правда сдерживаюсь из последних сил, уставилась ему в глаза.

Мой само наречённый заметно струхнул и, скомкано попросившись, почти бегом бросился по дороге к дому.

– Куда же вы, Родион?! Роденька!

Бедолага что-то пролепетал, что, мол, он сейчас, совсем скоро, и скрылся из виду. Мои губы растянулись в довольной улыбке. Да что там, я почти рассмеялась в голос, когда за моей спиной раздались одобрителные хлопки.

Я обернулась и увидела статного мужчину в военной форме, сидящего на лавочке чуть впереди и который до этого был незаметен за стволом одного из деревьев. Он хлопал в ладоши и явно сдерживал смех.

– Bravo, княжна! Я в восторге! На моей памяти еще ни одна девушка так не отшивала столь нахрапистого поклонника.

Он, наконец, поднялся и пошел мне навстречу. И знаете что? Это была ожившая мечта любой девушки! Высокий, хорошо сложенный, красивый! Но красивый той самой брутальной красотой, что делает довольно резкие и подчас тяжелые черты лица гармоничными и притягательными для любой особи женского пола. Ладно, пусть не для любой, на вкус и на цвет все фломастеры разные, но для меня – точно!

А еще было во всей фигуре этого широкоплечего брюнета

нечто такое, что заставляло мое бедное сердечко трепыхаться, словно птичка в клетке. Ага, такая большая птичка в маленькой такой клетке. Мне даже пришлось сделать над собой усилие, чтобы взять себя в руки и не кинуться к нему с воплями: «Милый, я ваша навеки!» Хотя как раз это, пожалуй, и отрезвило, заставив утихомириться взбунтовавшиеся гормоны. А когда он подошел поближе, то пришлось признать, что больше всего ему подходило не «красивый», а «мужественный», и на самом деле его внешность была далека от канонов красоты. Однако это не помешало признать его самым притягательным мужчиной, которого мне пришлось видеть в обоих мирах. Не считая, конечно, Бреда Пита.

– Спасибо. – Я даже немного зарделась. Похвала из уст этого человека была мне очень приятна. – Но с кем имею честь разговаривать?

– Ох, простите, княжна! Но меня извиняет то, что ваше выступление поразило меня прямо в сердце! Да-да, то, что слева! – мы оба расхохотались. Отсмеявшись, он подошел ближе и все же представился: – Разрешите представиться, коллежский советник князь Дмитрий Максимович Заславский.

– Ну, меня вы, думаю, уже знаете, – не стала я представляться. – Дмитрий Максимович, прошу прощения, но что вы здесь делаете? Неужели тоже из этих? – то ли с надеждой, то ли с разочарованием спросила я. И сама удивилась своей реакции.

– Из каких – из этих? – уточнил мужчина.

– Ну из тех, что пришли женихаться.

Почему-то я при этих словах умудрилась покраснеть. Все-таки таких мужчин мне еще встречать не приходилось, и от того я чувствовала себя очень неуверенно. Да еще и это несуразное тело, которое я, конечно, очень люблю, но сейчас почему-то ненавижу. Н-да...

– Евдокия Поликарповна, не скрою, вы очень интересное юное создание, но я для вас слишком стар, чтобы набиваться в женихи. Я приехал с докладом к вашему отцу, но он оказался немного занят, и я решил подождать некоторое время здесь.

– И сколько же лет слишком старому мужчине?

– Мне уже двадцать семь.

– Ммм... Протянула я.

Самый прекрасный возраст, но для шестнадцатилетней Дусеньки и правда старик. Помнила себя в этом замечательном возрасте. Тогда все, кому за двадцать пять, казались мне почти старыми.

Но, кажется, вовсе не возраст был причиной, которая не давала этому мужчине смотреть на меня как на свою будущую невесту. Все-таки в это время вполне были распространены браки с гораздо большей разницей в возрасте. Но я не стала заострять на этом внимание, лишь про себя разочарованно вздохнула.

«Да, Дусенька, нечего тебе на таких мужиков заглядыв-

ваться. Вот если бы ты была той, кем была в прошлом мире, и перед тобой маячила возможность свадьбы с вот таким вот толстяком, которым ты являешься сейчас, вдохновило бы тебя это? – Я снова про себя тяжело вздохнула. – Вот то-то! Так что подобрала слюни, взяла себя в руки, подняла хвост пистолетом и настроилась на активные занятия спортом! А там мы еще поглядим, как быстро он забудет о разнице в возрасте!»

Конечно, замуж я за него вовсе не собиралась. Но чем симпатия этого конкретного мужчины не еще один стимул к самосовершенствованию? Чувствую, мне этих стимулов понадобится, ой, как много! Ведь и трех дней не прошло, как я за себя взялась, а уже жуть как сложно бороться с соблазнами.

– А вы что же, женихов не жалуете? – тем временем спросил он.

– Ну как вам сказать... Не до женихов мне сейчас... – честно ответила, и мы пошли вдоль по тропинке.

– Что же заботит молоденькую девушку вашего возраста больше, чем женихи и ухажеры? – кажется, искренне удивился Дмитрий Максимович.

– Например, то, как почувствовать и обрести магию, которая где-то спряталась и никак не хочет показываться, – вздохнула я.

– У вас проблемы с магией? – теперь мой собеседник стал по-настоящему серьезен.

– Да я бы так не сказала. Просто магии в себе после выздоровления не чувствую, хотя Старица и сказала, что она есть.

– Думаю, вам просто нужно немного времени. Я бы порекомендовал больше бывать на свежем воздухе, – он усмехнулся, – Хотя вы сейчас и так в сельской местности. Попробуйте где-нибудь в тишине обратиться внутрь себя и ощутить слияние с миром, почувствовать магические потоки.

– Помедитировать, что ли? – проговорила задумчиво.

– Да, на востоке это состояние называют именно так, – согласился он.

– А может, мне и йогой заняться? – спросила себя, осененная идеей.

В прошлой жизни я целый год ходила на йогу и мне очень нравилось! Но представив, как я в этом теле буду делать самый простой комплекс, поняла, что у меня получится разве что поздороваться с солнцем. То есть вытянуться в струнку, поднять руки вверх и потянуться всем телом. Что-то вроде простых асан «Собака мордой вниз» или «Поза кошки» я изобразить смогу, только выглядеть они у меня будут совершенно идентично, несмотря на полную разницу в технике исполнения. Хотя я знаю еще одну асану, которая получится у меня на ура – «поза мертвеца». Да уж... Но попробовать стоит. Что-то ведь можно приспособить и для этого тела.

– А вы знаете, что это такое? – удивился Дмитрий Мак-

СИМОВИЧ.

– Даже кое-что изобразить могу, – хохотнула я, представив, как буду ему показывать пресловутую «позу мертвеца», то есть тупо прилягу на спинку и попрошу полюбоваться асаной.

– Интересно, откуда у вас такие познания? – посмотрел он на меня заинтересованно. – В России сейчас слишком мало интересуются восточными практиками. Признаться, я и сам-то узнал об их существовании не так давно и совершенно случайно.

– Эээ...

Вот так Штирлиц и прокололся.

– Так тоже случайно... – Я кокетливо пожала плечиком и мило улыбнулась собеседнику.

Мой демарш, однако, возымел противоположный эффект. И вместо того, чтобы сбить молодого человека с мысли, я в прямом смысле слова сбил его с ног. Бедолага обо что-то заппнулся и, не успев даже вскрикнуть, рухнул прямо на утоптанную тропинку. Хорошо хоть руки успел подставить и ничего себе не расквасил.

После такого конфуза коллежский советник задержался со мной ненадолго и откланялся при первой же возможности. А я оглянулась, нашла невдалеке взглядом Сережку и, махнув ему рукой, чтобы подошел ближе, сказала:

– Ну, показывай полянку! – И, ожесточенно почесав подбородок, добавила: – Евдокия Поликарповна готова к свер-

шениям!

Глава 4

После того как приехали ожидаемые учителя, моя жизнь вошла в определенный ритм. В ней не было чаепитий, бесед со сверстниками и потенциальными женихами о природе и погоде, но были мои пот и кровь. О да! Мой день начинался рано утром. Скажу честно, побудки давались мне непросто. Все тело ломило и мечтало об отдыхе. Но я, будто в плеере, включала у себя в голове песню группы Любе «Дуся агрегат» и шла умываться под задорный мотив, который сопровождал меня весь день:

Чем слоняться по округе, руки в брюки,

Развивай мускулатуру физкультурой.

Штангою качайся, в проруби купайся,

Соблюдай культуру тела, тело в дело!

Помни о фигуре, о мускулатуре...

Ты агрегат, Дуся, ты, Дуся-агрегат. Ты агрегат, Дуся,
на сто киловатт.

Ты агрегат, Дуся, ты, Дуся-агрегат. Ты агрегат, Дуся,
на сто киловатт.

Ты агрегат! Дуся, ты! Дуся-агрегат. Ты агрегат! Дуся,
на! сто киловатт.

Давай-давай! Дуся-эх! Дуся, выжимай! Давай-давай! Ду-

сы, эх! Дуся, прибавляй-а-ай!²

Эх!

После умывания выпивала два обязательных стакана воды. Надо ведь выводить из организма шлаки и вообще просто выводить как можно больше всего. Потом черед то ли прогулки, то ли пробежки – в общем, проходки в быстром темпе. Снова умывание, нормальный завтрак, дающий энергию новому дню и состоящий из какой-нибудь каши на воде, чашечки кофе и вредной вкуснятинки вроде небольшого кусочка хлеба с малом или маленького кексика. Знаю – мне это нельзя, но таким нехитрым способом я подбадривала себя на новый день, полный не самых легких свершений. Диета даст лишь временный результат, и по ее окончании все мои потерянные килограммы могут вернуться на раз... А потому нужно полностью менять отношение к себе, к еде и своему питанию. Да и голодать ни в коем случае нельзя, иначе организм, как хомяк, начнет накапливать жирок на черный день, тот самый, в который его хозяйка решит устроить очередное голодание. Веры ей ведь уже нет, вот и нужно подкопить, чтобы все не потерять. Поэтому кормить организм не просто нужно, а необходимо. Но и маленькие послабления, вроде утренней вкусняшки, я все же решила себе делать. Ведь я же люблю себя любимую? Люблю! Вот балую и подбадриваю таким нехитрым способом, только совсем чуть-чуть.

После завтрака у меня занятия с новыми учителями. Их

² Можно послушать здесь: <https://www.youtube.com/watch?v=vnmiTOhV03I>

прибыло трое: сухенький дядечка профессор Михаил Иванович Розанцев, который преподавал математику, географию и естествознание; худой высокий мужчина средних лет Вениамин Яковлевич Ступин, преподающий русский язык, литературу и историю; и женщина средних лет Офелия Львовна Рябушкина, которая учила меня французскому и английскому языкам, самым распространенным в высшем обществе. К моей радости и облегчению, в этом мире аристократы и монаршие особы не преклонялись так перед иностранной культурой, и говорить при дворе предпочитали на русском. Французский давался мне трудно, все же я его раньше не изучала вовсе, а английский лег на школьную базу. Русский и литературу пришлось изучать заново – письменность, как и писатели, здесь были свои. А без знания литературы в здешних дамских салонах делать нечего.

Местная география тоже отличалась от привычной мне. После появления магии были две магические войны – правители пробовали свои силы и возможности. Поэтому политическая карта здешнего мира выглядит иначе. Хорошо хоть естествознание и математика не преподнесли сюрпризов. Все же законы природы и математики остались неизменны.

После занятий приходило время обеда, на который я накидывалась аки горный орел. А потом час сна. Не поверите, но к этому времени я просто с ног валилась. Все-таки не привыкло это тело ни к физическим, ни тем более к умственным

нагрузкам, а мне приходилось расплачиваться.

Ну а потом я шла с Сережкой на заветную полянку и делаю упражнения. В перерыве между ними пыталась медитировать – пока безрезультатно. И выкраивала часик на чтение. Читала я вслух, чтобы Сережка тоже просвещался. Он присутствовал на всех моих занятиях. Я не заставляла его учиться вместе со мной, но старалась обсудить с ним все услышанное. Поначалу он терялся, забывал, но потом втянулся и сам пытался запомнить побольше, чтобы блеснуть в разговоре. К моему удивлению, он умел читать и писать, а потому я разрешила ему брать книги из библиотеки и просила почаще упражняться в чистописании, приговаривая, что в будущем мне понадобится толковый секретарь, и если он будет стараться, то я подумаю над его кандидатурой. Сережка старался, и это меня радовало.

Если вы думаете, что мои занятия на отдаленной полянке никого не заинтересовали, то глубоко ошибаетесь. К нам лезли все, кому не лень! Сережка по мере сил гонял любопытствующих, но спустя неделю постоянно прерывающихся тренировок я решила, что что-то нужно менять. Конечно, ничем предосудительным я не занималась, но неужели сложно понять, что уединилась я специально для того, чтобы мне не досаждали! К тому же из пары платьев я сшила себе нечто вроде шаровар, а из исподнего сделала пару маек. Во все это я переодевалась на полянке и не горела желанием, чтобы кто-то меня видел. А потому мы с Сережкой устраи-

ли целую полосу препятствий: протянули между деревьями шелковые нитки – получилось не хуже растяжек, разве что взрывов не было, но посетители падали исправно. Накопали небольших ямок и замаскировали их по мере сил, отчего уже на следующий день вся усадьба наполнилась подозрительно прихрамывающими слугами. Но даже это помогало слабо.

Однажды, когда делала очередную асану, я услышала удивленный вздох и такой же удивленный вопрос:

– А что это вы делаете? Ой, а откуда у вас такая странная одежда?

Я встала, отряхнула руки и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, увидела пристально рассматривавшую меня Марью.

– Магию пробуждаю! – недовольно буркнула я. – И, кстати, доброго тебе дня, Марья.

– Ага, доброго, – не смутилось милое дитя. – А откуда этот наряд?

А мне вот только разговоров о моем непотребном виде не хватало. И так уже не только по усадьбе ходят слухи один нелепее другого.

– Слушай, Марья, иди сюда... – Я присела на расстеленное невдалеке одеяло и похлопала по нему рукой, приглашая девочку. Та задрала носик, но ко мне подошла и даже села. – Сережа, погуляй вокруг и проследи, пожалуйста, чтобы нам не мешали. , – отослала мальчишку и продолжила разговор с девочкой: – Я тебе сейчас расскажу сказку...

– Я уже большая сказки слушать! – с возмущением посмотрела она.

– Да? А я бы с удовольствием послушала или почитала, – я тяжело вздохнула, вспомнив свою домашнюю библиотеку фантастики и фэнтези. – Но это не простая сказка. Дело в том, что она еще не окончена.

– Как это не окончена?

– А вот так! Слушай и тогда сама все поймешь. Жила была одна девочка. Всего на год старше тебя. И была она очень счастлива, потому что была у нее любящая семья, красивые наряды, встречи со сверстниками и вообще ни в чем ей не было отказа. И была у этой девочки маленькая сестренка, такая маленькая, что ей было неинтересно с малышкой играть. К тому же девочка видела, что ее матери почему-то очень больно и неприятно смотреть на свою младшую дочь, а потому и сама старалась с ней не общаться. Не будем сейчас обсуждать причины, по которым мать не любила младшенькую, а поговорим о старшей девочке— Я набрала в грудь побольше воздуха и продолжила. – Так вот, ей было невдомек, что ее младшая сестра очень одинока и очень хочет поиграть с ней. Да и вообще наша девочка была еще слишком маленькой, а ее жизнь слишком счастливой, чтобы понять, как было тяжело этой малютке...

Марья тяжело вздохнула и уставилась на свои руки. Не знаю, поняла ли она уже, куда я клоню, но продолжила свой рассказ:

– ...Но однажды пришла в их дом волшебница.

– Магичка? – уточнила девочка. – Просто в волшебниц уже давно никто не верит.

– Ну, пусть будет магичка.

– Она была злая?

– Я бы не сказала, что она была злой, скорее, слишком жестокой. Так вот эта магичка увидела несправедливость, которая творилась в доме по отношению к младшей дочке, и наложила страшное заклятие на старшую. Она сделала так, что ее магия, которая только-только начала просыпаться, повернулась против нее и укрыла разум девочки плотным коконом. В одно мгновение она потеряла все, что любила, забыла обо всех, кто был ей дорог, а ее близкие погрузились в тоску и печаль. Ведь они ничем не могли помочь своей любимой дочери.

– Как же она смогла все это потерять в одно мгновение? – не поняла Марья.

– Я же тебе уже сказала: магия взяла в кокон ее разум. И поэтому девочке стало все равно. Ничто ее больше не радовало, ничто не вызывало даже искры интереса, представляешь? Она стала живой куклой, которую, правда, усердно кормили, потому что только так она могла почувствовать хоть какие-то эмоции...

На этой фразе девочка начала догадываться о том, что моя сказка не совсем сказка, а потому нахмурилась и стала глядеть на меня исподлобья. Но я демонстративно не обращала

на это внимания.

— ...Наверное, магичка рассчитывала, что таким образом сможет смягчить сердце матери по отношению к младшей дочери, но этого не произошло. Взрослые так и не поняли, что это был их шанс помочь еще одной доброй и искренней детской душе обрести любовь и счастье. А старшая девочка целых шесть лет продолжала оставаться куклой и ждала, когда взрослые хоть что-то поймут.

— Но ведь они так ничего и не поняли! — со слезами на глазах срывающим голосом проговорила Марья.

— Да, к сожалению, взрослые оказались слишком толстокожими и ничего не поняли. Поэтому магичка сжалилась над старшей девочкой и расколдовала ее. Только за долгие годы своего заточения в этом коконе девочка сумела понять и осознать, что значит одиночество и пустота, а потому решила для себя, что не допустит, чтобы рядом с ней кто-то еще испытывал эти чувства. И еще... — Я посмотрела в глаза Марья. — Она очень хочет стать своей сестре ближе и подарить ей хоть немного тепла и участия. Только младшенькая за это время выросла, и оказалось, что уже никому не верит, а своей старшей сестре и подавно, потому что думает, что она осталась такой, какой была шесть лет назад. И что бы старшая сестра ни делала, младшая ей все равно не верит и не желает даже слушать.

Губы девочки задрожали, маленький носик покраснел, но она сглотнула ком в горле и все же спросила:

– И чем закончилась эта сказка?

– Я же тебе уже говорила, что она не закончилась, и, каким будет ее окончание, может решить только младшая из сестер. А старшая... старшая может только открыть свое сердце и объятия и ждать, что девочка откликнется на ее призыв.

После этих слов я развела руки в стороны и прикусила губу, переживая и гадая, что же решит эта гордая маленькая девочка. В следующую секунду из глаз Марьи брызнули слезы, и она бросилась ко мне в объятия. И я рыдала вместе с ней. Рыдала и понимала, что в это мгновение она стала мне самой настоящей сестрой. Той, что я буду защищать, которую буду любить и во всем помогать.

Когда мы немного успокоились и просто сидели, прижавшись друг другу, она вдруг спросила:

– А магичка правда была?

– Была, – вздохнула я.

– И как ее звали?

– Ее звали Судьба, моя дорогая. Судьба...

Глава 5

После этого случая мне пришлось перешивать уже платья для Марьи. Потому что она пожелала заниматься со мной – уж очень ей показались интересными мои занятия. Я ей на это заявила, что такой инициативе, конечно, рада, но раз она собралась заниматься наравне со мной, то ей стоит бывать и на моих занятиях науками, а если она поймет, что еще не готова к такой нагрузке, то я договорюсь, чтобы профессора занимались с ней отдельно. Это мое предложение не вызвало у девочки большого энтузиазма, но она согласилась. Разумеется, ей пришлось заниматься отдельно. И я, чтобы ей было интересно, а также имелся дополнительный стимул, пожелала, чтобы Сережка занимался вместе с ней. Прогресс после таких нововведений скакнул у обоих, что не могло не радовать. С французским у Марьи было гораздо лучше, чем у меня, а потому во время наших занятий на свежем воздухе сестра стала моим репетитором.

Спустя дней десять я поняла, что тропа желающих хоть одним глазком подглядеть, чем же там таким этаким занимается госпожа на уединенной полянке, не заросла, а Сережка отваживать всех просто не успевал. Поэтому я пошла к маменьке.

– Маменька, это просто невозможно! – влетела я в гости-

ную, где она музицировала.

– Что случилось, милая? – удивилась она такой экспрессии.

– Я не понимаю, неужели так сложно понять, что мне нужно уединение?! Почему всякий, у кого появляется хоть минутка свободного времени, лезет это уединение нарушить?! – бушевала я.

– Дусенька, ты же знаешь, что я лично приказывала никому не ходить в ту сторону, но, видимо, запретный плод слишком сладок, и всем слишком интересно узнать, чем же ты занимаешься! Кстати, я бы тоже хотела посмотреть на эти твои занятия.

И так у нее заинтересованно глазки заблестели, что я поняла, что как минимум половина ходячих были ее засланцами.

– Маменька, но ежели вам так интересно, то пришли бы и поглядели. Я ведь не скрываюсь!

Женщина замялась, а я поняла, что это была с ее стороны маленькая месть пополам с гордостью, не дававшей ей прийти и самой все увидеть. Дело в том, что в тот же день, когда мы с Марьей помирились, я заявила всем домашним, что моя сестра не изгой и будет питаться в столовой вместе с нами. Маменька, конечно, возмутилась. Случился небольшой скандал. Но, к нашему общему удивлению, отец поддержал меня и даже сказал, что сам давно думал исправить это досадное недоразумение.

Ага, недоразумение, блин! Но высказывать свое «фи» его отношению к дочери я не стала. А вот маменька закусила удила.

– Да? – наигранно удивилась она. – Просто за эти дни ты так похудела и похорошела, что я даже не знаю, на что это списывать, и как ты вообще отнесешься к моему визиту.

Ее щеки как-то подозрительно порозовели. А мне даже интересно стало, что же за теории бродили в ее голове.

На самом деле, за это короткое время я и правда заметно сбросила вес. Хотя для такой туши это сделать было не так-то и просто. Но я объясняла для себя этот успех тем, что в первую неделю из организма всегда выходит лишняя влага и отечность, а потому и визуальный эффект выше. Дальше таких скачков уже точно не будет, да и не нужно. Вы видели когда-нибудь фотки тех, кто слишком резко похудел? Это же тихий ужас! Ведь жир ушел, а кожа подстроиться под измененные параметры не успела, а потому осталась безобразно висеть на несчастных похудевших счастливцах! Я такого точно не желала! А еще надеялась пробудить-таки магию! Которая, по словам братьев, усиливает обменные процессы организма и его тонус.

– Маменька, отлично отнесусь я к вашему визиту! Да хоть вот прямо сейчас пойдемте! Марья освоила одну сложную технику йоги, думаю, вам будет интересно посмотреть.

Маменька, которая после первой части моего монолога уже готова была согласиться на визит, вдруг резко передумала.

мала и, потемнев лицом, сказала:

– Не думаю, что смотреть на эту приживалку мне будет интересно. Переживу как-нибудь без этого сомнительного удовольствия. – И, встав из-за пианино, чинно направилась прочь из комнаты.

– Маменька! – Окликнула ее, опешив от такой резкой смены настроения родительницы. – Так что мне делать со сложившейся ситуацией?

– Ах, делай что хочешь! Я даю свое разрешение! – И вышла прочь.

Ну, раз мне дали такой карт-бланш, то нельзя им не воспользоваться. Я тут же пошла к ключнице – если на современный манер, то домоправительнице – и запросила у нее покупку несколько рулонов самой дешевой, но плотной зеленой ткани. А также приказала сразу же после ее доставки выделить мне двух рабочих с гвоздями.

– Но, госпожа, княгиня... – замялась женщина.

– Княгиня дала полное согласие на мои действия. Можете у нее уточнить.

Ткань мне доставили уже на следующий день. Видимо, и ключницу, и даже саму маменьку очень заинтересовало, что я собралась с ней делать. А я ничего особенного и не собиралась. Просто потребовала оббить по кругу всю облюбованную мной полянку. Получился большой шатер без

крыши. Теперь рассмотреть, что внутри огороженной зоны, можно было только в небольшой неогороженный проем, оставленный, чтобы проходить внутрь. Но обзор там был очень неудобным, а потому, чтобы что-то более-менее увидеть, нужно было лезть на дерево. Не думала, что кто-то на это отважится, но несколько самоотверженных Икаров в поместье-таки нашлись! Однако, небо, к их несчастью, им не покорилося, а вот земля встретила с распростертыми объятиями. В общем, не по убивались и ладушки!

К концу месяца подобных занятий я не то, чтобы стала сильно худее, но явно стала чувствовать себя гораздо лучше. Теперь меня не мучила постоянная одышка, а ноги несли быстрее. Утренние проходы можно было смело называть пробежками, а асаны йоги уже не напоминали бессмысленные копошения большого бегемота. Да и новый образ питания воспринимался совершенно нормально, и я перестала просыпаться по ночам от зверского голода. Я втянулась в новый ритм жизни.

И стоило только этому произойти, как случилось то, что взбудоражило не только меня, но и всю усадьбу – у меня проснулась магия!

Глава 6

Я, как всегда во второй половине дня, отправилась на свою полянку. Еще с самого утра было понятно, что пойдет дождь: небо хмурилось, на улице парило, а ласточки летали очень низко. Но я подумала, что стоит позаниматься, пока есть возможность, а потому поспешила вперед, уверенная, что на месте меня уже ожидают Марья с Сережкой.

Так и случилось, и мы с Марьей быстро переоделись, пока Сережка нес вахту по защите нашей девичьей чести. Потом мы втроем позанимались йогой – детям все давалось очень легко и как-то играючи, а потом мы дружно сели медитировать.

Поза лотоса давалась мне пока очень условно, но я старалась, главное для меня было очистить разум и отринуть мысли, что было не так просто. В какой-то момент я почувствовала небывалую легкость в голове и увидела перед мысленным взором свое тело, заключенное в светящийся мягким желтым цветом кокон-ауру. В это же время я заметила в районе солнечного сплетения весело искрящийся радужный шарик. От него по всему моему телу расходилась целая разветвленная цепь каналов, по которым струилась разноцветная энергия и передавалась в окружающую меня ауру. Энергия поступала через целых два толстых энергетических жгу-

та, которые проходили вдоль позвоночника. В один канал энергия входила через макушку, а во второй через... скажем так – основание позвоночника. Все эти движения энергий в моей теле завораживали. Это было так красиво и гармонично, что дух захватывало, ведь все вместе эти потоки и создавали магию, давали возможность проецировать свою волю во внешний мир. Конечно, оказалось непросто, извлекать магию из тела и направлять ее нужно учиться, и для этого существовали различные техники, вербальные и невербальные команды, которые облегчали оперирование этой энергией.

Глядя на это совершенство внутри себя, я отчетливо понимала ответственность, которая ложилась на мои плечи. То, что я получила в этом мире – великий Дар, с помощью которого можно совершить много хорошего и еще больше плохого. Теперь проверки Старицы не казались мне такими уж дурацкими и нелепыми.

Чем дольше я всматривалась в себя, тем яснее видела, что во всей этой радужной круговерти преобладает – серебристо-желтый цвет. Это нормальное состояние ауры мага или цвет определяет доминирующее направление силы? Все же я в свое время перечитала достаточно всякой фэнтезийной литературы, чтобы возникали такие вопросы.

– А-а-а! – раздался над самым ухом чей-то визг.

Моя концентрация тут же сбилась, и я почувствовала, как лечу вниз, а затем мою нежно любимую пятую точку обожгла боль. Открыв глаза, я увидела, что рядом со мной визжит,

надрываясь, Марья, а Сережка застыл с широко раскрытыми глазами и отвисшей челюстью.

– Ой елки-иголки... – на языке вертелись совсем другие комментарии. – Да замолчи ты уже, Марья! – не выдержав давящего на мозги ультразвука, прокричала я. Кажется помогло, потому что девочка замолчала. – Что случилось? Зачем так визжать?

– Ты... Ты поднялась вверх! – тыча в небо пальцем, срывающимся голосом проговорила Марья.

– Как это? – я удивилась и потерла свой ушибленный зад.

– Откуда я знаю?! – нервно возмутилась девочка. – Ты просто сидела рядом, а потом я немного отвлеклась, глядь на тебя, а тебя нет! Я еще удивилась, как это ты так незаметно встать и отойти умудрилась. А потом поглядела наверх, а там ты сидишь, как ни в чем не бывало, только под тобой пустота!

– Ага! Только с каждым мгновением вы все выше и выше поднимались, – отмер Сережка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.